

MOZART

ГЕННАДИЙ
СМОЛИН

РУССКИЙ МОЦАРТЕУМ

Геннадий Александрович Смолин

Русский Моцартеум

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42625546
Русский Моцартеум / Г. А. Смолин: Алетейя; СПб.; 2019
ISBN 978-5-907030-79-4

Аннотация

После череды скандальных обвинений русских спецслужб в отравлении известных на Западе персон самое время обратиться к расследованию причастности агентов спецслужб к тайне смерти великого гения музыки Моцарта. Читателям будут интересны открывшиеся факты загадочной гибели соавтора оперы «Волшебная флейта», выдающегося ученого Австрии, гроссмейстера Венской ложы Игнациуса Эдлера фон Борна. Герой мемуарного расследования побывал у последнего аристократа России барона Эдуарда фон Фальц-Фейна, который дал добро проекту «Русский Моцартеум». В представленной книге продлились странности судьбы артефактов, писем, документов и раритетов, так или иначе связанных с великим маэстро и тонко переплетенных с современностью. Автор мемуаров подводит читателя вплотную к раскрытию одной из тайн XVIII века. Сюжет расследования развивается в пределах европейских государств: Россия, Германия, Лихтенштейн и Австрия. Наступило время обнародовать результаты проделанной

работы... Все персоналии – реальные люди, только два или три имени названы псевдонимами в связи с секретностью работы специальных служб и тайных организаций.

Содержание

Книга первая	8
I. Вместо увертюры	8
II. Прелюдия в «Берлинер Ансамбль»	20
III. «Контора». Вместо отпуска срочное спецзадание	36
IV. Страсти и хобби	53
V. «Ich will Helm!»[17]	67
VI. Это было убийство	82
VII. На волосок от гибели	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Геннадий
Александрович Смолин
Русский Моцартеум**

© Г. А. Смолин, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Посвящается памяти барона **Эдуарда фон Фальц-Фейна (1912–2018)**, мецената и последнего русского аристократа.

Он благословил проект «Русский Моцартеум» перед своим трагическим уходом.

В Петербурге в домовй церкви Воронцовского дворца отслужили панихиду по барону Фальц-Фейну, погибшему в пожаре.

Книга первая

Берлинский цугцванг

Выражаю большую признательность директору частного Института экологии культуры тропиков известного археолога Джеффри Уилкерзона (Веракрус), талантливому кубинскому художнику Омару Годинесу (Гаванна), ведущему секретарю посольства Никарагуа в Москве Альбе Торрес. Фото-мастеру международного класса Валерию Масленникову.

I. Вместо увертюры

Серия книг автора (Геннадия Смолина), собранных в единое целое под общей обложкой «Русский Моцартеум», посвящена одной из самых таинственных страниц истории мировой культуры – причинах болезни и скоропалительной смерти Бога музыки Вольфганга Амадея Моцарта. Мистико-эзотерическое расследование этого скандала века в области культуры, выстроенного на документах, фактах и современных изысканиях, где дни нынешние тесно связаны с днями минувшими, апеллирует к святая святых человека, заставляя его задуматься над главными вопросами бытия. Нонконформизм и свобода духа вместо приспособленчества

и подчинения воле сильного, добро и любовь вместо зла и ненависти, бескорыстие и доброжелательность вместо стяжательства и зависти.

В историко-публицистическом расследовании, которое проводит герой книжного сериала Рудольф Смирнов, описываются события, происходившие уже в объединенной Германии (начиная с 1989 года – падения «Берлинской стены».

Сюжет книжного сериала динамично разворачивается по обе стороны Атлантики – в пределах трех европейских государств: России (Москва), Германии (Берлин, Бонн, Мюнхен) и Франции (Париж), а также в США (Квинс, Форт-Лодердейл) и Мексике (Веракрус, Эль-Питаль).

В книге действуют реальные исторические персонажи, но гриф секретности, которым помечены еще некоторые служебные страницы архивов российских спецслужб, проливающих свет на предлагаемые в детективе события, довлеет над теми или иными страницами книги.

Тут и ведущий генерал Штази Маркус Вольф, имя которого было овеяно легендами ещё при его жизни, и высокопоставленный представитель ЦРУ Джонни, в настоящее время предприниматель, пытавшийся склонить экс-руководителя Штази к эмиграции в США. Причём, развитие сюжета начинается с кульминации: правительственный агент Рудольф Смирнов, выехав в Бонн на встречу с партнерами по разведке, обнаруживает двойное убийство наших друзей – известной в ФРГ политической пары: руководителя «зелё-

ных» ФРГ Петры Келли и генерала Бундесвера Герда Бастиана. Они успешно работали на СССР и вдруг были обнаружены мёртвыми в особняке под Бонном, в Танненбуше. Коллективный суицид или замаскированное убийство?...

И наконец, археологические находки в Мезоамерике (Эль-Питаль, Мексика), найденные директором частного Института экологии культур тропиков известным археологом Джеффри Уилкерзоном (Веракрус) и связанных с сенсационным открытием города – самого древнего в Америке из известных племён ацтеков, майя – ольмеков.

Все представленные в «двухкнижии» перипетии, – своеобразный «след» Бога музыки Вольфганга Моцарта, его урок, преподанный нам своей жизнью и смертью, что как лакмусовая бумажка все прошедшие годы отделяло «своих» от «чужих». И такой расклад, не связанный ни с национальными особенностями, страной проживания, религией, языком, имущественным цензом человека, пребудет всегда. Причём, главное – взять ответственность за свою жизнь на себя и поступать так, на что способен любой из нас, а это в свою очередь предопределено каждому свыше. Это диктует нам не только вечная музыка Вольфганга Амадея (возлюбленного Богом) Моцарта, но излучающий путеводный свет пример его жизни и даже смерти.

Автор построил сериал как социально-психологический детектив, В большей части книги, где приводятся малоизвестные и заново осмысленные старые данные, относящие-

ся к последним месяцам жизни композитора, а также подвергаются анализу действия его реального окружения, стиль строгий и взвешенный. Скрупулезное исследование этих более двух веков сознательно искажаемых действий и мотивов окружения делают честь автору книги, а также его добровольным помощникам в России, Германии и Австрии. Выводы и доказательства, представленные в оригинальном опусе автора так существенны, имеют такие далеко идущие последствия, что я позволю себе дать не только краткий их пересказ, но по ходу дела и свои комментарии к ним.

В книге собраны все документы, касающиеся последней болезни и смерти Моцарта. В первую очередь – показания его семейного врача доктора Николауса Франца Клоссета, которые представлены в виде записок разных лет, так как архив и дневниковые записи, которые он вёл, наблюдая Моцарта в последний год его жизни, не исчезли бесследно. Чудом сохранились лишь несколько листков бумаги, исписанных его почерком. Так вот, по утверждению доктора Клоссета «история болезни» Моцарта вплоть до лета 1791 года была пуста, о чем свидетельствует и его сверхнасыщенная творческая, личная и интимная жизнь. Получившая хождение после смерти композитора легенда о якобы «чистой, спокойной уремии», свойственной ему, должна быть отвергнута уже потому, что он до последних часов находился в полном сознании и сохранял гигантскую работоспособность. За

три предсмертных месяца им создано две оперы, две кантаты и концерт для кларнета, не говоря уж о том, что он ездил в Прагу для управления праздничным представлением «Дон Жуана» и премьерой оперы «Милосердие Тита», дирижировал первым спектаклем «Волшебной флейты» в «Виденертеатре» Шиканедера и своим последним сочинением – «Небольшой масонской кантатой на основании храма» (за две недели до смерти! – 18.11.1791 г.). И это больной хронической уремией?! Ведь известно, что они неделями, даже месяцами не способны к работе, а последние дни проводят в бессознательном состоянии. Если и говорить о болезни почек у Моцарта, то острая почечная недостаточность на базе токсико-инфекционного заболевания, что в эпикризе о смерти предлагал написать консультирующий Клоссета доктор Саллаба, главный врач центральной венской больницы, гораздо ближе к истине – «острому токсическому некрозу». И тут, по словам Клоссета, приведённым автором, «меня на минутку попросил уединиться герр Готфрид Ван Свитен. – Каков Ваш вердикт, доктор Клоссет? – Да как Вам сказать, герр барон... Мы с доктором Саллабой расходимся в диагнозе... – Есть мнение, что это острая просовидная лихорадка, – болезнь, всегда сопровождающаяся характерными изменениями кожи, – вдруг резко заявил Ван Свитен. – У вас все эти симптомы налицо. И потому никаких вскрытий тела не производить, эпикризов не писать!» Этим дали понять, что для истории и общественности речь должна идти о за-

разном заболевании – все указывало на быстрое разложение тела. Такой диагноз во многом развязывал руки, позволяя пренебречь даже сложившимся правилом, по которому погребение усопшего может совершаться «не ранее 48 часов».

Моцарт потерял сознание только за два часа до смерти, наступившей 5 декабря 1791 года около 00 часов 50-ти минут. А в три часа пополудни 6 декабря у входа в Крестовую капеллу собора Св. Стефана, где маэстро был главным органистом, уже шло отпевание его тела. Проводить его в последний путь собрались немногие: доктор Клоссет, Ван Свитен, Сальери, Зюсмайр, органист Альбрехтсбергер, благодарный почившему за протекцию в закреплении за ним места главного органиста собора. И никого из родных и семейства Вебер – ни тётки, ни вдовы, ни её сестер. Единственной женщиной, пришедшей проститься, была его ученица, жена друга по масонской ложе, Мария Магдалена Хофдемель, прекрасная и в горе утраты (ей мы и обязаны сохранению пряди волос Моцарта, данной ей графом Деймом-Мюллером!). Барон Ван Свитен, оплативший похороны Моцарта по третьему разряду, сообщил собравшимся, что согласно декрету Кайзера Леопольда II от 17.07.1790 г. для воспрепятствования возможному распространению инфекции оставить тело маэстро в специально отведенном месте капеллы до наступления темноты. Сопровождать тело на кладбище Св. Марка запрещено. Погребение совершится в отсутствие каких-либо людей, кроме могильщиков. Такой предстаёт скорбная

картина проводов в последний путь величайшего из музыкантов мира Вольфганга Амадея Моцарта. При этом автор замечает, что диагноза «острая просовидная лихорадка» не встречалось ни до, ни после смерти Моцарта.

Страшная кончина того, чье имя было известно многим, усугубленная посмертным вздуванием тела и его быстрым разложением, вызвавшая необходимость спрятать его так, чтобы никто никогда не смог найти и следа его останков, и потому совершенная без свидетелей, породила массу толков. «Предполагают даже, что он отравлен» – вот лейтмотив тогдашних разговоров и писем венцев. Моцарту отказано в элементарном: ни горсти земли не упало на его гроб из рук близких, ни вдовы, ни друзей, ни братьев масонов не было при его погребении, и все это ради того, чтобы заговор против его жизни полностью удался. Пришлось смириться даже с тем, что все это не могло не вызвать нежелательных разговоров среди разных слоев жителей не только Австро-Венгрии, но всей Европы. Главное сделано – Моцарта нет, и он уже не сможет никого смущать своим свободомыслием и поисками справедливости. Неизвестна могила Моцарта, да и трудно сказать – существует ли она вообще. Гроб с телом Моцарта был после отпевания внесен служителями внутрь Крестовой капеллы, а когда он был оттуда вынесен и куда под покровом темноты отбыл, – сия тайна велика есть. Те, кто сумел проделать все это, заинтересованы в сохранении этой тайны на все времена, а силы эти – ох как значительны!

Заговор сильных мира сего, увидевших в Моцарте с его ярким гением, чувством собственного достоинства и нонконформизмом угрозу вечной своей власти, впрочем, как потом в Пушкине и Лермонтове, тоже обреченных на раннюю насильственную смерть, без статистов свершиться не мог. А их, готовых ради сиюминутных привилегий безоговорочно исполнять все приказы, во все времена предостаточно. В книге эти статисты, сыгравшие разную роль в гибели Моцарта, и обрисованы по-разному. Вот – один из самых близко стоящих к маэстро в последние месяцы людей, его ученик и почти что прислужник – Франц Ксавер Зюсмайр. Да-да, тот самый, который завершил его Реквием и по его подсказке написал некоторые, не слишком значимые фрагменты «Милосердия Тита», так как сам Моцарт просто не успевал все сделать в спешно заказанной ему Леопольдом II для коронации в Праге опере. Но ведь Зюсмайр, попросившийся к Моцарту в ученики, прежде был учеником Сальери, все время сохранял к нему добрые чувства и хорошие отношения, а в 1794 году по протекции Сальери был определен капельмейстером Венского оперного театра! Маэстро Сальери даже не требовалось самому подсыпать в чашу Моцарта яд. В последние месяцы был к моцартовскому семейству этот «свинмайр» был так близок, что часто, когда сам композитор был занят (а занят он был постоянно), тот сопровождал на воды в Баден жену Моцарта Констанцию, которая и стала, как считали тогда многие венцы, его любовницей и даже

родила от него сына – Франца Ксавера Моцарта.

Плохо, однако, кончают свои дни апологеты и статисты зла. В 1803 году 37-летний Зюсмайр скончался при симптомах, похожих на симптомы Моцарта и был похоронен в общей(!) могиле. Кстати сказать, 1803 год был критичен и для властных недругов Моцарта: в этот год приказали долго жить Зальцбургский архиепископ Иеронимус Коллоредо и Венский архиепископ Кристофоро Мигацци. Сальери умер в психиатрической лечебнице.

Те, кто были убеждены, что, скрыв тело Моцарта, они тем самым сделали невозможными доказательства насильственной смерти, оказались посрамлены. Пришла пора сказать, что утверждение – Вольфганг Амадей Моцарт отравлен сулемой – HgCl_2 , доказано. Ещё в 1958 году три немецких врача Иоханнес Дальхов, Дитер Кернер и Гунтер Дуда на основе симптомов болезни Моцарта, главными из которых были депрессия, бледность, обмороки, общий отек, лихорадка, дурной запах, специфический привкус и при этом ясное сознание и способность владеть пером, выдвинули и обосновали версию отравления Моцарта ртутью, которая в первую очередь вызывает нефроз почек. Это удалось установить в результате проведения нейтронноактивационного анализа волос Моцарта, вскоре после смерти сбритых под корень императорским и королевским камергером графом Деймом-Мюллером тогда, когда он делал гипсовый слепок его лица, с которого впоследствии отлил бронзовую посмерт-

ную маску.

Нейтронно-активационный анализ волосков из пряди Моцарта был проведен в Государственном научном центре (ГНЦ), и результаты были опубликованы в «Бюллетене по атомной энергии» за август 2007 года.

Ртуть, попадая в организм человека, оседает и в его волосах, а точность метода такова, что проведение исследования возможно даже на одном волоске. Известно, что волосы растут с постоянной скоростью, примерно 0,35 мм. в день, т. е. за 6 месяцев они вырастают до 9-10 см. Моцарт очень дорожил своими волосами и заботливо за ними ухаживал, так что волоски из пряди, сбритой графом Деймом-Мюллером, были от 9 до 15 см. Методика эксперимента такова. Волосок, запаянный в кварцевую ампулу, бомбардировался в активной зоне реактора для активизации исследуемого вещества (Hg). Далее пронумерованные, начиная от корня, сегменты этого волоска длиной по 5 мм., вновь загруженные в кварцевые ампулы, помещались в ядерный реактор на предмет облучения их нейтронами, после чего измерялась их вторичная эмиссия.

Результаты, полученные для более длинного волоска, где по оси абсцисс отложена его длина, а по оси ординат – содержание ртути в граммах на тонну веса, показали, что в день смерти (0 – по оси абсцисс) концентрация ртути у Моцарта составляла 75 г.! на тонну веса, в то время как среднее содержание ртути в живом организме – 5 мг. на тонну веса

(более, чем тысячекратное превышение!). Кроме того, видно, что за последние 6 месяцев Моцарта травили сулемой сериями, перемежаемыми относительным покоем. Первая – с 15.06 по 15.07.1791 г., далее 15.08–07.09.1791 г., 15.11–20.11.1791 г. и, наконец, последняя 28.11–4.12.1791 г. Если сопоставить эти даты с тем, как разные источники описывали состояние Моцарта в последние 6 месяцев, то поражаешься, как через промежуток в два века можно точно проследить всю картину преступления день за днем. Вот так в XXI веке русская наука подтвердила то, о чем в веке XIX во всеуслышание сказал Пушкин. Как говорили древние римляне – *Quod erat demonstrandum!* (Что и требовалось доказать!). Замечу, что авторами работы, представившей научное доказательство отравления Моцарта, являются к. х. н. Николай Захаров и автор данного опуса (писатель Геннадий Смолин), ранее – физик-атомщик.

Итак, тайное и на сей раз стало явным. Но доколе же мы будем терпеть это тайное, да и явное зло тоже? Ведь страшно не только убийство гения. Страшна посмертная диффамация его имени. «Гуляка праздный» – это еще самое мягкое из того, что до сих пор слышишь и смотришь о Моцарте.

Слушая музыку Моцарта и отмечая ее гармонию и красоту, часто не хотят замечать ее глубины, свободы и света. К постижению его музыки идешь всю жизнь, а ведь ему было только 35, когда его убили. И кроме «покоя и воли», ему всего-то и было надобно – любви окружающих. Так давайте

хотя бы на будущее не забывать, что «когда хронопы поют свои любимые песни, они приходят в такое возбуждение, что частенько попадают под грузовики и велосипеды, вываливаются из окон и теряют не только то, что у них в карманах, но и счет дням». И потому стараться еще при жизни окружать их теплом и заботой.

II. Прелюдия в «Берлинер Ансамбль»

*Я даже согласна быть пешкой, только бы меня
взяли в игру
Л. Кэррол, «Алиса в Зазеркалье»*

Назавтра мне предстояло вылететь утром из аэропорта Шёнефельд рейсом «Люфтганзы» до Москвы – я возвращался из загранкомандировки домой, скажем так, на время очередного отпуска. И, как всякий русский интеллигентный человек, решил сделать для себя небольшую «культурную программу». Под занавес. Мне хотелось увезти с собой из объединенной Германии приятное воспоминание. И я пошел в театр Бертольда Брехта на спектакль «Карьера Артуро Ui, которой могло не быть». Как писали газеты, знаменитый столичный театр «BerlinerEnsemble» на Бертольд-Брехт-Платц № 1 стал другим – новым, экспериментаторским, средоточием молодости, дерзости, высокого полета. Например, корреспондент «Ди Цайт» в своей статье утверждал, что спектакль режиссера Хайнера Мюллера «Карьера Артуро Ui» – это окончательное подведение итогов XX века, а журналистка из «Берлинер Цайтунг» утверждала, что роль актера, обучающего Артуро Ui правилам поведения на публике, – в исполнении актрисы Марианны Хоппе, бывшей звезды Третьего рейха, близко знавшей фюрера, а главное – тема ее «мастер-класса», преподанного Артуро Ui, обрела какое-то

иное, гротескно-историческое и страшноватое предзнаменование.

Кто-то вошел в ложу и задержался позади меня. Я даже не пошевелился. Человек сел в кресло и искоса посмотрел на меня. Свет со сцены слабо освещал его лицо.

– Тулэ, – неожиданно назвал он ключевое слово (с ударением на последний слог) и добавил: – Извините, что помещал вам...

– Не имеет значения, – ответил я. – Через минуту антракт.

– Разрешите мне присесть рядом, герр Риттер, – мягко произнес он в самое ухо. – Меня зовут Виктор.

Я не двинулся с места.

– По-видимому, вы обознались. Я заказал ложу номер семь для себя. Ваша, наверное, номер один. Иногда путают эти цифры.

– Я пришел сюда потому, что здесь удобно побеседовать. Разрешите приступить к делу. Я пришел никем не замеченный, и, если вы согласитесь отодвинуть ваше кресло назад, нас никто не увидит при таком освещении, – тихо произнес Виктор.

– Вы, наверное, ошиблись. Мне придется позвать администратора, – ответил я.

– Ваше поведение понятно, и вы можете апеллировать хоть к самому Бертольду Брехту, – сказал он.

В нашем диалоге прозвучал весь набор требуемого пароля, и я придвинул свое кресло к нему.

– Слушаю вас внимательно...

«Туле» было ключевым словом пароля, произносимым при вступлении в контакт с нашим агентом. Далее шел обмен фразами, в которых для пароля должны были встречаться слова: «Туле», «разрешите», «позвать» и «апеллировать».

Когда в ответ на «позвать» прозвучало последнее слово «апеллировать», то, согласно нашим правилам, я должен был подчиниться и выслушать его. Хотя... хотя я не желал больше никаких контактов, никаких новых заданий.

Мне порядком надоело два года подряд мотаться без отпуска, включая шестимесячное пребывание в Германии; я мечтал только об одном: о возвращении в Россию, а вернее – об отпуске и отдыхе в заветном тайландском Пхукете с моей пассией Соней Шерманн... Но к сожалению, это был связной из Центра. Да еще с амбициозным именем Виктор – значит победитель!...

... Сложная мизансцена закончилась, а с нею и первое действие. Антракт. Вспыхнул свет, который казался особенно ярким после мрака. Раздались громкие аплодисменты.

Я мельком взглянул на связного. В очках в тонкой золотой оправе на простом лице он напоминал то ли заштатного скрипача, то ли заурядного учителя пения, по недоразумению оказавшегося в ложе солидного театра.

Виктор продолжил в неспешной манере:

– Я вылетел из Москвы сегодня утром с приказом тайно связаться с вами. Причем было запрещено встречаться в оте-

ле или в другом людном месте. Мне повезло, вы заказали ложу в театре.

Внимательно слушая связника, я стал рассматривать в ложах осветителей расставленные гротескные фигуры ослов, крокодилов и козлов; потом перевел взгляд на первые ряды партера, где продолжали сидеть несколько актеров с нежно-зелеными головами, напоминающими капустные кочаны.

«Срочностью высшей категории» назвал связной ситуацию, которая заставила его прилететь этим утром из Москвы на встречу со мной. Это был серьезный сигнал.

– Наш агент Хантер убит вчера, – донеслось до моего слуха. – Мы хотим, чтобы вы заняли его место.

Я был ошарашен, поскольку хорошо знал Хантера. Меня словно ударило током. Воротник рубашки стал мокрым от пота, хотя благодаря постоянному тренингу я научился внешне не реагировать в стрессовой ситуации, а спокойно смотреть и слушать. Я не сводил глаз со связного и только чувствовал, как весь обливаюсь потом.

Хантер убит...

Я попросил Виктора рассказать о подробностях, и он ответил:

– Ему даже не дали шанса сопротивляться. Его обнаружили в подсобке салона по продаже икон на Курфюрстендамм. Судя по всему, убийц было двое, один держал его руки, а другой хладнокровно выпустил пулю из пистолета с глушителем.

– Хантер... – сказал я. – Мне приходилось встречаться и сотрудничать с ним по одному делу. В Праге, пару лет назад... – Я приуменьшил, потом спросил: – Его ведь застрелили прямо в лоб, да?

Связной кивнул.

– Увы, да...

Хантер в Германии был неплохим профессионалом, и он, конечно же, резонно считал, что имеет дело всего лишь с одним противником. Он был уверен в себе и полагал, что выйдет из любой тупиковой ситуации. Ему и в голову не приходило, что кто-то может так грубо и без затей завалить его самого.

– Я предупреждал его. За время моей работы мы потеряли не одного человека, но Хантер считался неуязвимым. Эх, черт побери! Прощай, Хантер...

Мы помолчали, потом я сказал:

– Помнится, он был буквально помешан на собирании монет и наконечников для скифских копий.

Он довел меня до того, что я готов был заставить его проглотить коллекцию монет – золотой десятирублевик за десятирублевиком! С другой стороны, ему нельзя было отказать в смелости, да и щук он спининговал мастерски.

– Мы знаем. – Связной даже не взглянул на меня. – Это вторая причина, по которой в Центре решили, что вы согласитесь нам помочь, хотя это и заставит вас на некоторое время отложить свой отпуск с какой-нибудь сексапильной кра-

соткой.

Я рассмеялся.

– Вашими бы устами, герр Виктор, да мед пить. Есть вещи, которые нельзя откладывать. Должна же быть, черт возьми, у меня личная жизнь. Нынешние особы не из тех, кто умеет ждать или терпеть разлуку, как Пенелопа.

– Теперь к делу, – сухо проговорил Виктор. – С точки зрения постороннего, у вас классически-простая миссия – встретиться с известной политической парой Германии. Встреча назначена в Танненбуше, под Бонном, у Петры Келли, в ее в загородном доме, – пояснил связной, протягивая мне ключ от её особняка. – Нужно будет немедленно войти в контакт с одной из ключевых фигур «зеленого движения» в ФРГ Петрой Келли и ее партнером, генералом бундесвера Гердом Бастианом из движения «Генералы бундесвера за мир». Мы обратились к вам еще и потому, что вы были лично знакомы с этой политпарой Германии по прежней работе, – в сферу вашей компетенции входили совещания, конгрессы, манифестации по ядерной и ракетной тематике. Ну, а по ходу выяснить, кто стоит за убийством нашего агента-нелегала, поскольку на подступах к этой политической паре Хантер столкнулся с численно превосходящими силами. Похоже, что почерк здесь не профессионалов из спецслужб, не мифической «атомной мафии», а серьезной третьей силы...

С этого момента мы перестали говорить о Хантере, слов-

но его никогда и не существовало. Герр Виктор принялся опутывать меня условиями «игры на чужом поле»; правда, я и не сопротивлялся, уже начиная ненавидеть его за тихий и вкрадчивый голос. И даже немного съязвил:

– Похоже, Петре Келли придется здорово попотеть, у нее прямая дорога в большую политику. Мало того, что ей нужно поддерживать свои великолепные шансы еще полгода, но и пестовать имидж генерала Бундесвера Герда Бастиана, как поборника мира, – все в контексте кодекса «зелёных» или, грубо говоря, обвести весь этот бомонд вокруг пальца и въехать в Европарламент на белом коне...

– Генерал Бастиан не такой уж беспомощный, – возразил Виктор. – Ему шестьдесят, но он крепок как железо, и женщины находят его привлекательным. Возглавляя общественную группу «Генералы Бундесвера за мир», своей активной антиядерной борьбой, проводимыми акциями протеста против размещения в ФРГ американских ракет средней дальности он сделал очень много.

Немного помолчав, я подытожил:

– То есть Петра Келли не только продефилирует в евро-апартаменты и станет еврофигурой, но и заберет с собой в большую политику генерала Бундесвера?

– Да, герр Риттер, вы, как всегда, правы.

– Я предпочел бы оказаться в передраге с таким генералом бундесвера – гвардейцем старой закалки, пусть даже немощным и беззубым, нежели со своим коллегой, циничной «ген-

деткой»¹, готовой сдать своих коллег даже дешевле, чем за 33 сребреника, как это сделали Гордиевский, Резун или Калугин.

Связной как будто меня не услышал:

– Ваша миссия, – сказал он, – миротворческая, как у этих, как их... врачей без границ. Кроме стандартных задач вам нужно будет выполнять некие мелочи, может, несвойственные привычной технологии нашего агента-нелегала. И все пойдет само собой.

Посмотрев на него, я подумал, что ослышался.

– Я туго соображаю, герр Виктор. Объясните, пожалуйста.

– Итак, во имя общего дела в Центре порекомендовали упорядочить вашу бурную холостяцкую жизнь – чтобы вы изменили свой семейный статус...

– ?!

– Да, да, не удивляйтесь! – Связной полулёг в кресле, вытянув ноги. – Операция называется «Голубки»... Интрига тут такая. Как бы цинично ни звучало, но вы должны заменить Герда Бастиана. Причем изящно и красиво, как вы это прекрасно умеете делать... Ему уже трудно, пора на покой, он к тому же попал нынешней весной в ДТП...

– В общем, стать профессиональным Ромео? Как это было в случае с Хайдрун Хофер и Хансом Пушке²?

¹ Генеральская детка (сленг).

² В 1970 году любвеобильная секретарша из БНД (Федеральной разведывательной службы Германии) Хайдрун Хофер познакомилась с очень привлекательным

– Вы, как всегда, попали в «яблочко». Сеть вокруг Келли создается только с одной целью – для обеспечения безопасности нашего настоящего источника. В общем, операция «прикрытие».

– По шахматной терминологии, это будет всего лишь жертвой пешки?

– Как бы цинично это ни звучало – да!.. Надо с ней поработать, разыграть серьёзные намерения, любовь – в общем, довести объект до кондиции... Если ваша миссия состоится, а главные проекты материализуются согласно нашему расписанию – прекрасно! – терпеливо пояснил связной. – Однако, как вы сами справедливо подметили, некие внешние обстоятельства могут подставить вам, а значит, и нам всем подножку. И нужно быть готовым к разным превратностям судьбы.

– Даже к самому худшему?

– Даже так... Вы получите чёткие и ясные инструкции, – сказал Виктор. – Не вижу причин держать вас в неведении, тем более что этих же инструкций придется придерживаться и вам, если вы вдруг окажетесь в провальной ситуации. – Связной внимательно посмотрел мне прямо в глаза и отчеканил: – Инструкции эти таковы. Ни под каким видом сведения о нашей работе с этой парой и Мишей и все, что связано с ними, не должны высветиться и стать достоянием третьих лиц, то есть наших соперников. Никаких форсмажорных обсто-

ательств не должно быть! Как достигнуть этого результата – целиком и полностью зависит от возможностей агента-исполнителя. В противном случае, грянут выстрелы – причем все в яблочко, а один, как и положено, контрольный. Все понятно?

Я глубоко вздохнул.

– Да, сударь. Теперь все понятно. Как в том анекдоте про Горького и Сталина.

Связной оживился.

Я озвучил слова вождя с характерным акцентом:

– «Товарищ Горкий, ви написали великолепный роман „Мать“, не могли бы ви создать не менее знаменитый роман „Отэц“?». Максим Горкий ответил, заметно окая от волнения: «Да что вы, товарищ Сталин, разве попытаться...» – «Ви подумайте, товарищ Горкий. Попытка – нэ пытка. Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?»

– Занятно, занятно, – с долей отстраненности проговорил связной.

Я поинтересовался:

– А если не поверят этой политической паре Келли-Бастиану? Если они не сумеют убедить истеблишмент в том, что действуют искренне, на Благо Германии?

– Тогда будет не просто плохо, а очень плохо. В таком случае у нас есть определенные проработки – вплоть до выхода из игры, до сворачивания контактов и вашей деятельности, герр Риттер, до нулевых оборотов – до точки замерзания.

– У Петры Келли много шансов пройти в Европарламент?

– Я бы сказал, что немало, – терпеливо проговорил связной. – Впереди у нее – стометровка с Триумфальной аркой на финише. И год известен: следующий по счету.

Я сидел, закрыв глаза. Люстра и огни в зале погасли. Действие на сцене развивалось в точном соответствии с пьесой Бертольда Брехта, интерпретированной талантливым драматургом и режиссером Хайнером Мюллером. Связник молчал. Он хорошо понимал, что, когда желаешь убедить кого-либо, нужно делать паузы и давать собеседнику время для размышления.

Заиграла музыка. Музыковеды, проанализировав фонограмму этого спектакля, наверное, сравнили бы услышанное с атональной какофонией. Прямо при нас, здесь, разлагалась классическая гармония, травя ухо и душу диссонансами. И как бы в насмешку над гуманистическим искусством прежних эпох в спектакль то и дело врывались аккорды то Верди, то Шуберта, то Моцарта, убеждая зрителя своей неуместностью.

Я смотрел на сцену, на актера Мартина Вуттке, игравшего Артуро Уи, невольно сравнивая его с прообразом – Адольфом Гитлером: передо мной был кто угодно, но только не homo sapiens. Человека тут не было в помине. И то, что артист выделял на сцене, попросту не рассказать. То он поскуливал, как собака. Часто дышал, как огромная свинья. Становился на четвереньки и показывал ярко-малино-

вый язык. И постоянно извлекал из себя странные звуко-сочетания. То ли это был шариковский сленг, то ли немецкая абракадабра – поди-ка разберись. Он классно висел на лацкане чьего-то пиджака, демонстрируя завидную хватку, или же снайперски плевался. Иногда выставлял локти и колени, и тогда из артиста Вуттке рождалась геометрическая фигура, подозрительно напоминающая свастику. Но постепенно эта диковинная зверюшка, это кафкианское членистоногое превращалось в подобие человека. В узнаваемый типаж с челкой, усиками бланже и ногами в третьей позиции. Происходящая метаморфоза разительно напоминала то, как «вылеплялся» Шариков в булгаковском «Собачьем сердце»...

Связной, должно быть, полагал, что я категорически буду против. И вот он, решив, что пора действовать, выпрямился и ловко положил папку на мои колени.

– Ваш меморандум и прочие ЦУ, – произнес он скороговоркой и впился глазами в происходящее на сцене.

Я шевельнулся, и папка скользнула на пол. Я оставил ее там, где она упала. Там была, очевидно, полезная информация: имена и фамилии, досье, разработки, указания – все, собранное в архиве Центра, полный и исчерпывающий анализ предстоящих моих шпионских действий в следующей серии игр на чужом поле. Сердце теплила лишь одна мысль: они обратились ко мне еще и по той причине, что я знал больше их всех вместе взятых.

– Герр Виктор, если уж я возьмусь за это, то только на

своих условиях, – сурово проговорил я.

Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на сцену. Потом наклонился ко мне:

– Что вы имеете в виду, герр Риттер?

– Мои условия таковы: снимите вашу «прослушку» с моих телефонов, уберите прикрытие – чтобы никого и ничего рядом «не стояло». Если я услышу в трубке посторонние помехи, то хочу быть уверенным, что это включилась противная сторона. Если замечу хвост, то буду на сто процентов уверен: это мои коллеги из БФФ³.

Я умолк.

– Хорошо.

– И никакого прикрытия.

– Ладно.

– Связь как обычно.

– Хорошо.

...А на сцене разыгрывалась самая ударная мизансцена спектакля: Артуро Уи брал «уроки» у заштатного актера в исполнении старейшей актрисы Марианны Хоппе, этой «театральной Рифеншталь», близко знавшей Алоиза Шикль-грубера (Гитлер). И тема «урока» для Артуро Уи обретала теперь зловещий смысл.

Вот Артуро заметался в поисках центра тяжести, вот Артуро лихорадочно перебирает руками, вот Артуро нашел для них самое приличествующее положение, – прикрыв мужское

³ БФФ – Федеральное ведомство по охране конституции (контрразведка).

достоинство. Вот, от усердия высунув язык, Артуро прощмыгивает пару раз по сцене на носочках. И наконец, перед нами возникает сам Гитлер. Это Гитлер-материал. В технологическом «процессе», только что показанном актером Мартином Вуттке, на наших глазах из бесформенной протоплазмы воцарился на престоле великий дегуманизированный диктатор XX века.

Он до того велик, что дегуманизированные массы с капустными головами в партере в любой миг готовы идти за ним в бой. И как один умрут за своего фюрера...

Сцена начала заполняться действующими лицами, и музыка Вагнера зазвучала громче.

Я поднял папку с пола. В ней находилась другая – серенькая, поменьше. Это был меморандум, в котором тезисно было начертано мое будущее, мой дальнейший образ жизни. Там только ничего не говорилось о том, каким образом я отдам Богу душу. Это был документ исключительно профессионального порядка...

Итак, теперь я, Рудольф Смирнов, согласно моей легенде-биографии, буду проходить в определенных официальных досье под кодовой кличкой Гансвурст или под именем Ганса Фрайера, агента по недвижимости из Франкфурта-на-Майне. Любой полицейский, заинтересовавшийся моей персоной и достаточно дотошный, чтобы послать отпечатки моих пальцев по линии криминальной полиции, узнал бы, что в определенных кругах во Франкфурте-на-Майне я известен

как Гансвурст (Ганс-колбаса), человек с неординарной репутацией, контактирующий с одной из влиятельных группировок, занимающейся антиквариатом. Иными словами, если верить этой биографии, я не слишком идеальный гражданин Германии и даже не патриот страны. И в этом был, как мне казалось, своеобразный оберег. Это даже успокаивало...

И вот конец спектакля, дали занавес. Актеры выходили к рукоплещущей толпе, кланялись, поднимали брошенные из зала цветы.

Я покинул ложу чуть раньше связного.

Связной, спускаясь в пестрой громко говорящей толпе по главной лестнице, не видел меня.

Я стоял, прислонившись к стене, и провожал его взглядом. Поскольку я согласился заменить Хантера, то уже имел план действий (так в голове шахматиста возникает вся картина предстоящей партии еще до того, как он начал разыгрывать гамбит). Я предупредил связного о том, чтобы он передал в Центр, что я буду действовать в одиночку, потому что эту операцию следовало провести быстро, как говорится, по свежим следам. Или развить, в своем роде, блицкриг, или выйти из игры.

Уже у себя в номере я мысленно воспроизводил беседу со связником Виктором, а после горько думал, что завтра надо будет сдать билет на самолет до Москвы...

Читая газету «Ди Цайт», я добрался до рубрики «Котировка валют», отбросил газету в сторону и вспомнил про Со-

ню Шерманн. Говоря по правде, в том московском разговоре со своим шефом Сансанычем про Соню я специально преувеличивал значимость информации о наших с ней планах – я еще тогда предупредил фройляйн, что мои действия носят спорадический характер, поскольку в моей работе все слишком быстро меняется. Однако еще будучи в Москве я допустил ошибку – отправил ей «успокоительную» депешу о том, что все складывается в нашу пользу, она терпела еще полгода. Теперь придется посылать новое письмо с иными словами. А ведь Соня и отдаленно не была похожа на дочь испанского колониста, способную годами дожидаться своего возлюбленного – русского графа Николая Рязанова...

III. «Контора». Вместо отпуски срочное спецзадание

*Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четырёх человек, таких как Рудольф Абель в Москве.
Экс-директор ЦРУ США Аллен Даллес «Искусство разведки»*

Мне было назначено время встречи в одной из заштатных гостиниц Москвы, расположенной далеко от Лубянской площади и Кремля. Сюда, если не помешают пробки, можно добраться на машине минут за тридцать. Откровенно говоря, я в этих окрестностях (за ВДНХ) не бывал, не заносила меня сюда нелегкая. Если честно, то люди нашей профессии никогда точно не знают, где могут оказаться на следующий день. Военная дисциплина, круто замешанная на секретности и помноженная на характер нашей работы со спецификой той или иной страны.

Не доезжая до гостиницы пару сотен метров, я бросил взгляд на наручные часы и убедился, что подъезжаю точно по графику, ровно к пятнадцати ноль-ноль. Свой мышинового цвета «Ниссан» я бросил на стоянке среди множества других машин с самыми разнообразными номерными знаками. Если верить моему паспорту, то я законопослушный гражданин России, москвич, технарь, побывавший в горячих точ-

ках на Кавказе, в подтверждение чего у меня была припасена подробнейшая и абсолютно вымышленная биография.

Моя настоящая фамилия – Смирнов, Рудольф Смирнов, хотя в определенных официальных досье (перед заграникомандировкой в Берлин) я значился под именем Вольфганга Риттера, немца, проживающего в Берлине на Унтер-ден-Линден, сотрудника компьютерной фирмы «Гандвик». По моим документам значилось, что я занимаюсь поставками комплектующих для компьютеров из Германии в Австрию, Польшу, Венгрию, но в то же время не раскрывался ни род деятельности компании, ни характер моей службы.

На случай возможного сбоя в работе или провала проекта у меня был еще один (резервный) паспорт на имя Владка Функе, русского немца из Казахстана, в настоящее время азыланта⁴, политического беженца, временно проживающего в хайме (общежитии для переселенцев) у сестры Анны. С учетом этих обстоятельств и формировалась легенда-прикрытие «позднего переселенца», или по-немецки «шпэти».

Задание, выпавшее на этот раз, было многоплановым и довольно хлопотным, причем с непредсказуемым исходом.

Маркус Вольф, к которому меня направляли, занимал высокий пост в службе разведки ГДР – «Штази». Он знал меня с давних пор как «обаятельного русского», в общем как сотрудника отдела, курировавшего в советских спецслужбах определенные сферы в Германии. Время от времени я попа-

⁴ Азыланта – беженец; от немецкого Asyl – убежище.

дал в его поле зрения, когда он приезжал в Москву или в ГДР – в порядке деловых контактов в Восточном Берлине. По правде говоря, у нас было мало общих точек соприкосновения, но в отличие от других коллег моего ранга я знал, что был ему симпатичен. И потому старался вести себя с ним корректно и демократично. И это срабатывало на сто пять процентов. При полном соблюдении рамок и прочих политкорректных штучек, к которым меня обязывало положение младшего по званию, я старался излучать дружеское участие к генералу и быть непринужденным в общении.

– Состав задачи у тебя двуединый: заморский гость Джонни и наш друг Миша-Маркус Вольф, – рассуждал Сансаныч, меряя шагами свой кабинет на втором этаже допотопного зданьица в одном из районов Москвы; где именно – скромно умолчим. – Причем ты для американского коллеги – сотрудник контрразведки БФФ Вольфганг Риттер, а для немецкой стороны – агент ЦРУ; мы об этом постарались загодя... Прежними методами руководить подобными операциями за кордоном уже невозможно – по причинам тебе известным. Нужны в некотором роде импровизации. У нас, в России, сам знаешь, как в том умном изречении: король умер, да здравствует король! Но запомни: сейчас все возможно, и если вдруг случится что-то непредвиденное, тогда останется запасной аэродром – в Берлине. Осядешь в столице у своей сестры. Там у тебя все в норме; легенда простая: приехал посмотреть, как живётся- можетя на исторической роди-

не. И окончательно решить Гамлетов вопрос: эмигрировать или нет. Времени хватит, чтобы наладить связи и продлить нужные нам отношения. СССР больше нет, Германия еди-на. Главное сейчас – дело: нужно реанимировать прерван-ную работу. А то развели здесь, в России, на свою голову эту интеллигентскую болтовню: многополярный мир, врагов нет – сплошные друзья да единомышленники, безопасность как в Элладе во время Олимпийских игр, идиллия кругом! По-наслушались политических крикунов, а как доходит до дела – в кусты!

– К сожалению, сейчас работать у нас, в России, может быть, на порядок сложнее, нежели за рубежом, – признался я. – Подчас не знаешь, что истинно, а что ложно. Дело даже не в компетентности или профессионализме...

Сансаныч пропустил мимо ушей мои слова и перешел к делу:

– В Германии ты уже бывал и не раз, нравы немцев зна-ешь, язык твой безупречен. Судя по твоему досье, до нас ты занимался ядерной физикой и пробавлялся журналистикой: писал статьи, репортажи – в солидные немецкие СМИ, не гнушался командировок в горячие точки Средней Азии и на Кавказ. Материал для тебя хорошо знакомый, так что оста-валось время для культурных программ и развлечений.

– Да, шеф, но я что-то не припомню, чтобы нам выделя-лось время на культурные мероприятия. Потом я уже давно понял, что мягкостью и корректностью нынче, как в старые

добрые времена, ничего не добьёшься.

– Мне очень жаль наши старые добрые времена, – ответил старый ас и глазом не моргнув. – Но в изменившихся обстоятельствах мы не должны терять лицо. Теперь мы с американцами не враги, а даже партнеры. Будем исходить из этих постулатов. Не можем же мы ставить под угрозу исход операции из-за того, что некие оппозиционные силы пытаются вставить нам палки в колеса.

– Нет, шеф.

– Надеюсь, я не нарушаю никаких твоих личных планов? – ни с того ни с сего брякнул Сансаныч.

– Разумеется, нет, шеф, – сухо ответил я. – В Берлине меня ждет одна сударыня с интригующим именем Соня. Имею я право на личную жизнь?

– Понимаю, – спокойно ответил он. – Та самая фройляйн из финансово-экономических сфер?

– Вы не одобряете моего выбора, шеф? Все-таки она нас здорово выручила в том непростом деле, связанном с Дойче Банком. Главное, что мы в том деле получили фору.

– Против своей воли, – сказал Сансаныч. – Насколько я припоминаю, ей хотелось как раз обратного. Она еще молодая, по мне – совсем девчонка, взбалмошная, ревнивая, неуправляемая и совершенно ненадежная.

Этой тирадой Сансаныч невольно выдал себя. Теперь все встало на свои места. Сансаныч был против моего дальнейшего общения с молодой женщиной, которая в его представ-

лении была для меня неподходящей парой – так некоего отпрыска именитой фамилии засылают учиться в Кембридж, чтобы он выкинул из головы смазливенькую студентку из ГИТИСа. Я попытался унять свое раздражение. Принадлежность к моей профессии не оставляет места для личной жизни.

Я сказал, аккуратно подбирая слова:

– Соня Шерманн из Берлина – наш человек, шеф. Другое дело, она не знает в действительности, какую страну я представляю. Но это вопрос техники... Она видела нас, по крайней мере меня, в деле и знает, что мы не артисты из любительского театра на Бродвее. С ней мне не нужно прикидываться знаменитым писателем Зюскиндом или голливудским киноактером. И ей ни к чему строить из себя скромницу и недотрогу. Я ведь знаю – и она знает, что я знаю. Поэтому даже общаться с ней – одно удовольствие, шеф. Надеюсь, вы не собираетесь предложить мне покончить с ней, с этим адюльтером?

Было ясно как Божий день, что Сансаныч имел в виду именно это, но вопрос в лоб в сочетании с мнимой покорностью немного сбил его с панталыку, на что я и рассчитывал.

– Ты меня обижаешь, ты меня уже обидел, – иронично отозвался он. – Нет, конечно, мы такими операциями не занимаемся. Однако я попросил бы тебя немного отложить randevu со своей пассией, пока ты не разберешься с нашими профессиональными делами.

– Хорошо, шеф.

– А теперь сходи в кабинет № 225, там получишь необходимые документы, а потом зайдешь ко мне.

Я не собирался комкать дальнейший инструктаж, а потому стал заниматься рутинной работой – обходить разные кабинеты и специалистов, чтобы познакомиться со всеми нюансами. Я побывал у «персональных управленцев», как мы их называли за глаза, получил необходимые бумаги у жизнерадостного и абсолютно бездушного молодого сотрудника. Вернувшись через час, я прошел дополнительный инструктаж у Сансаныча.

Подытоживая сказанное, шеф разоткровенничался:

– Вся эта чехарда в Германии вокруг Михаила нас весьма и весьма беспокоит. – Сансаныч посмотрел на меня. – Твое присутствие там крайне важно и необходимо. Для него и для нас. Сразу по нескольким позициям. Во всяком случае, такое впечатление мы пытаемся создать – усиленно пытаемся. И у него тоже. Ему нужна моральная, нравственная поддержка, что мы и предпринимаем: якобы «защитить» его с помощью ЦРУ. Я понятно выразился?

– Да, шеф, – ответил я. – Вполне ясно, хотя и несколько парадоксально.

– Собственно говоря, именно поэтому мы и выбрали тебя для этой роли. Ты должен сыграть ее лучше, чем все остальные... – Сансаныч приумолк, потом продолжил: – В целом ты и прежде справлялся с такими делами. Я имею в

виду Русский Кавказ и республики Средней Азии. Ты был всегда вменяем и, если проявлял довольно убедительные признаки недовольства и даже явного неповиновения, то все в рамках цивилизованного поведения самодостаточного человека нашего времени...

Я понимающе кивнул.

– ... И главное – естественность в поведении с Маркусом. С ним ты делаешь интервью для гамбургской влиятельной газеты «Ди Цайт» или респектабельной «Франкфуртер Альгемайне» – смотря по обстоятельствам...

– Все должно быть естественным? – механически переспросил я. – Согласен, шеф. Знает ли наш большой друг в Берлине о том, что его ждет в рамках проекта германской Фемиды?

– Знает, – заверил меня Сансаныч. – В общих чертах; подробности с нашей стороны он слушать не захочет, что вполне объяснимо. Он отдает себе отчет в том, каких собак ему должны навесить, и ему будет довольно некомфортно. Но недели через две-три всё устаканится. Победа будет наверняка за ним. Теперь о тебе. Разумеется, с ним все согласовано. Он не возражает.

Сансаныч посмотрел на меня и нахмурился:

– Ты же должен иметь в виду следующее. Во-первых, твоя миссия должна выглядеть убедительной. Ты отличный журналист, кроме того, у тебя хобби: ты страстный коллекционер холодного оружия. Не мне тебя учить!..

– А могу я поинтересоваться, для чего все это нужно, шеф, или вы предпочитаете держать меня в неведении?

– Чтобы не упустить там одного человека, – произнес Сансаныч. – Одного американца зовут Джонни, а жену его – Инге. Этому американскому эмиссару нужна агентура Маркуса из списка Управления «А». За пару-тройку листов они будут сулить ему золотые горы: гражданство, полную свободу и, конечно же, особняки, яхты, счета в солидных банках. Вводя в апартаменты Маркуса «засланного казачка» Джонни, облегчаем тому миссию в достижении сверхзадачи. Разумеется, с нашей стороны – доброжелательное партнерство, в некоем роде даже сотрудничество.

– Понятно. Если потребуется культурная программа по объединенному Берлину, то можно оказать такую любезность?

– Ради Бога! Нужна будет поездка в Москву – пусть состоится вояж в столицу. Но имей в виду, до сих пор серьезных ошибок допущено не было. По дипломатическим соображениям в настоящее время мы не проводим операций как за рубежом, так и в определенных районах страны, и в том числе, в Москве и ее окрестностях. Мы не должны прибегать к активным действиям. – Сансаныч поморщился. – Вполне логично для этого смутного для страны времени, но это очень нас связывает. Руки опускаются.

– Вы правы, шеф.

– Когда субъект прибудет наконец из Штатов в Берлин, ты

должен встретиться с ним и войти в активную разработку, хорошенько прощупав его, а уж потом направиться прямо к Маркусу Вольфу и представить его лично, как «нашего хорошего и доброго друга». В общем, все должно быть у нас под контролем.

Я приподнял брови.

– Итак, ошибок не должно быть? Меня учили, что позволить оставить нашего партнера по работе без должного надзора – это достаточно серьезная ошибка.

– Разумеется, – сказал Сансаныч. – Так вот, объект будет в Берлине 20-го числа, то есть через два дня после того, как ты объявишься у Маркуса.

– Какой смысл разыгрывать такую трудоемкую операцию? – неожиданно рубанул я, имея в виду то, что можно не только наломать дров, но и спалить меня как агента.

– Комментарии излишни! – резко парировал шеф и продолжил в обычной манере: – Итак, Джонни – как и ты, – коллекционер оружия. Он опубликовал несколько богато иллюстрированных фолиантов. Запомни: у него своя целенаправленная миссия. Тебе ничего не нужно предпринимать, кроме как играть самого себя – до мозга костей немца, агента из БФФ. Это своеобразный «парадный вариант». Он о тебе, скажем так, уже осведомлен: кто ты и что ты. В общем, ты держишь связь с Центром – прежнее подобие наших деловых отношений. Твоя квартира на Унтер-ден-Линден. Здесь будет задействована твоя «сестра» Валентина, как хозяйка

апартаментов. Тут будете встречаться с Мишей-Маркусом Вольфом и Джонни. Оба с супругами. Все под контролем обоих ведомств: закордонного и нашего. Проработан и другой проект на случай ЧП. Ты превращаешься в перемещенное лицо – азылянта, позднего переселенца Владека Функе из Казахстана – («шпэти»), и ныряешь в общежитие для кандидатов на ПМЖ⁵. Как мне дали понять после контактов с другими отделами по поводу твоей кузины Анны из хайма, она о тебе тоже в курсе и знает только то, что должна знать. Не более того...

– Представляю, шеф, как трудно отыскать в таком хайме Владека Функе.

– Ты прав, оппоненты могут лишь догадываться, что среди «азылянтов» есть наши люди, – с усмешкой проговорил Сансаныч. – Учитывая наши ограниченные на данный момент возможности, выявить в таком муравейнике хорошо замаскированного агента – все равно что выловить оброненное в море кольцо.

– Вообще-то мне казалось, что у нас несколько иная специализация, шеф. А что делают все эти шустрые папины детки со Смоленской площади? Они великолепно могут часами говорить ни о чем. Неужто им такое задание не под силу?

Сансаныч поднял глаза.

– У нас тоже есть принципы, есть честь, и мы просто не имеем права смотреть сквозь пальцы, когда кто-то нарушает

⁵ Постоянное место жительства.

наши планы, а тем более, когда убивают наших людей. Вот почему я попросил, чтобы эту операцию поручили нам. — Сансаныч криво усмехнулся. — По-видимому, существуют политические соображения, которые делают эту твою миссию в определенных сферах не самой желанной. Ты должен иметь это в виду, Рудольф.

— Да, шеф, — сказал я. — Значит, главная цель состоит в том, чтобы еще раз доказать всем, а главное, нам самим, что мы не сдаем своих друзей, а чужаков просто учим уму-разуму — пусть в следующий раз не зарываются, а лучше смотрят в святцы, на кого они замахнулись мечом.

— Ты все правильно понял, — кивнул Сансаныч и, глянув в окно, добавил: — Как заметил наш большой друг и коллега, друзья не умирают...

Мы оба замолчали. Я тоже уперся взглядом в окно — на хмурое низкое небо, серые здания кругом и пролетающие по шоссе лакированные машины, нервно выскакивающие из одной пробки, чтобы вновь через какие-то пять-десять минут застрять в другой. И подумал, что там люди на улице открыто трудятся на благо государства, встречаются, любят, а после работы идут в театр, в гости другу к другу, просиживают в клубе, не скрываясь от репортеров. И мне на какой-то миг стало до обидного жаль, что нам никогда не суждено жить и работать в таких условиях. Но это была секундная вспышка, как зарница на небе, которая тут же стерлась в памяти.

А вслух я сказал:

– Да, шеф. Значит, мы попытаемся скоординировать действия наших друзей в новых условиях и посмотрим, что из этого получится. А почему вы считаете, что эти другие силы будут спокойно наблюдать за всеми 36 нашими манипуляциями?

– А уж в этом ты их должен убедить, Рудольф, – ответил Сансаных. – Не забывай: они сами хотят в это поверить. Не так уж часто мы идем в «открытую», ва-банк, когда три живых сотрудника некогда враждебных стран теперь будут трудиться бок о бок, и более того: вы должны потолкаться друг с дружкой, побеседовать про то, про это. Процесс длительный, рассчитанный на годы. Понятно, что там, за океаном, хотели бы знать о бывших врагах побольше. А тут еще эти наши вольнолюбцы без конца твердят, что в свободном демократическом обществе не может быть организаций, подобных нашей; что мы просто отрывка тоталитарного режима, и о нас, если кто печется, то лишь оппозиция, чтобы свалить на контору все скопом: провалы агентов в резидентурах и вспышки шпиономании. Поэтому «радетели» России мечтают придать огласке списки именно тех агентов, кто искренне помогал нам в период СССР. Так что тебе нужно будет держать ухо не остро, а обоюдоостро. Ты для них, в свою очередь, наживка.

Я кивнул.

Сансаных выдержал паузу, затем посмотрел мне в глаза и негромко сказал:

– К сожалению, мне пришлось внести коррективы в первоначальный план. Мы получили новые сведения. – Он придвинул к себе лист бумаги и, взяв шариковую ручку, что-то написал. Потом отложил ручку, перевернул бумагу и передал ее через стол мне. – Знаешь, что означает это слово, Рудольф?

Я взглянул на бумагу. На ней печатными буквами было выведено «Соня Шерманн». Я выпрямился и уставился широко открытыми глазами на шефа.

– Загадка за семью печатями.

Сансаныч скомкал лист бумаги и поджег его в пепельнице, подождал, пока он сгорит до конца, и аккуратно растер пепел.

– Дело в том, что возможен любой исход операции. И запасной аэродром тебе не повредит.

– Естественно.

– Это очень большая тайна, – серьезным тоном произнес Сансаныч. – Кто его знает, как пойдут отношения между нами и американцами. И еще: пресловутый византийский фактор. У нас в конторе как с погодой: все может быть...

– Понимаю, – произнес я.

– С другой стороны, пока американцам известно меньше, чем они хотели бы знать.

– Да, шеф, так и должно быть.

– Пока наверху царствует эйфория: все кругом друзья, а враги то ли испарились, то ли перебазировались на другие

планеты, преимущество у них резко возросло. – Сансаныч посмотрел на меня так, как смотрит строгий преподаватель на нерадивого ученика. – Знаешь, какого оружия больше всего опасаются англо-саксы?

Я пожал плечами.

– Думаю, это межконтинентальные баллистические ракеты, шеф.

– Вот ты и не прав. У тех же межконтинентальных ядерных ракет есть крупный недостаток – их пускают с установок постоянного базирования, которые может засечь вражеская разведка. И все равно: американцам нужно принять целый комплекс контрмер. Какое же асимметричное оружие имеется у нас, у русских?

– Не возьму в толк, – пожал я плечами и спросил: – Может, наше разгильдяйство или неадекватность?

– Пожалуй, ты угадал, самое опасное для них оружие – наша русская непредсказуемость. Иными словами, то, что они не в состоянии нейтрализовать, поскольку этого не видно. Как-то мне рассказывал один американский умник: «Мы постоянно спотыкаемся о ваш чисто „русский феномен“. Так посмотришь, вы такие же – волосы светлые, глаза голубые, а станешь общаться или, не дай Бог, иметь серьезные дела... Что с вами ни затеешь – ничего не получится. Как будто вы инопланетяне. Вот негры – черные, китайцы – желтые, индейцы – красные, – здесь все ясно как день. А вы – другие! Но встречают-то по одежке, то бишь по облику. Так взяли бы

и покрасились, к примеру, в зелёный цвет, чтобы нам сразу понятно было: а! это же русские!...»

– В этом что-то есть, шеф.

– Вот почему противник бессилен и при удобном случае сваливает свои поражения на полях сражений на войну без «цивильных» правил, на безжалостного «генерала Мороза», я уж молчу про «штабели» трупов на тех же Зееловских высотах под Берлином, которыми маршал Жуков якобы «вымостил» себе Победу и et cetera! – Сансаныч замолчал, потом встал и, подойдя к окну, долго высматривал там что-то.

Вернувшись на свое место, он сел. Сложив вместе кончики пальцев, уставился на свои руки.

– Мы не знаем, – сказал он, – планов нашего верховного руководства и, скажем так, нашей внутренней оппозиции. Не знаем, насколько они готовы рисковать: подставляться самим или подставлять нас.

– Понятно. – Я задумчиво сдвинул брови. – Могут подстроить любую помеху или каверзу?

– Вот именно, – кивнул Сансаныч.

Эти московские штучки с подковерными интригами не по мне.

– Подробности нас сейчас не интересуют, как и то, будут ли они действовать нагло, как традиционные янки, или пойдут на мягкий «демократический» вариант. Я имею в виду Мишу-Маркуса. Сам знаешь, его могут заставить выложить все, что ему известно. Современные психологические мето-

ды и психотропные средства развяжут язык кому угодно. Вот этого нельзя допустить ни в коем случае. Вот почему нам – а конкретно тебе! – нужно прибегнуть к своеобразной игре, навязанной американцами. Я верю в Вольфа больше, чем в святость Папы Римского. Если нам повезет и наш тандем сыграет как надо и по навязанным нами нотам, тогда наши шансы на успех стремительно возрастут. Но мы должны быть первыми в любом случае.

IV. Страсти и хобби

*Et cetera...*⁶

И вот я в Берлине. Вольфганг Риттер собственной персоной. По прилету в аэропорт Шёнефельд я добрался до Берлина и позвонил из «автомата» Маркусу. Трубку сняла Андреа, его жена, и передала мужу, что с ним хотел бы поговорить один знакомый. Мы с Маркусом соприкасались по работе нечасто, он сразу узнал меня по голосу.

– О-о! Это вы! – воскликнул Вольф, для которого тембр моего голоса был своеобразным паролем: он утверждал, что меня нельзя спутать ни с кем.

Я представился журналистом из солидной гамбургской газеты «Ди Цайт» и попросил назначить дату для интервью. Мы договорились о рабочей встрече в отеле, где я остановился, – в трехзвездочном «Waldhaus Muehlenbeck»⁷, с ненавязчивым движением транспорта, быстрой досягаемостью центра Берлина и сравнительно дешевой платой.

– Может, завтра и приступим к делу? – предложил он.

Как признался во время встречи сам Вольф, журналисты нынешней осенью осаждали его своими просьбами о встречах; интервью он давал почти непрерывно, а домашний те-

⁶ И так далее (лат.)

⁷ «Вальдхаус Мюленбек».

лефон на даче звонил постоянно. Это было время череды политических процессов против него, затеянных немецкой Фемидой.

Для Маркуса я был воплощением настоящего русского мужчины, как он неоднократно признавался мне.

С ним я был, как всегда, корректным, поскольку к этому обязывало его видное положение в бывшей системе спецслужб в ГДР, да и его почти что «княжеская» родословная. Сразу создавалась непринужденная атмосфера, в которой возникали искренность и доверие.

– Две тысячи лет назад из тебя получился бы классный христианский миссионер, – подшучивал в таких случаях шеф.

... Мы встретились с Маркусом Вольфом так, как будто расстались вчера. Мне не нужно было начинать с официального представления, да у нас и не было для этого времени. Поэтому я без промедления включился в разработку интервью. Первая часть касалась моего коллеги из Москвы, который в прошлом отвечал за контакты с Маркусом (после его ухода образовался вакуум). Потом были оценки и анализ ситуации после распада ГДР и главное – беспомощность ее тогдашнего руководства предпринять что-либо кардинальное. По ходу беседы я делал краткие заметки. Записанные на диктофон вопросы и ответы для будущих публикаций не заняли много времени. У меня была хорошо отработана система ведения диалогов, на каждую ситуацию – свой наводящий

вопрос. С журналистской сноровкой я старался раскрутить собеседника как можно быстрее – за час-полтора, и во время вояжей в лесную резиденцию экс-генерала под Берлином более не допекал его.

Разумеется, я предупредил Маркуса Вольфа о новом американском «друге» из Квинса (район Нью-Йорка) по имени Джонни. И рассказал о том, что наше руководство считает, что ему обязательно нужно встретиться и по возможности наладить приятельские отношения. Но нужно было обставить это событие обоснованной легендой. Для Джонни я – сотрудник БФФ, а официально, под именем Вольфганга Риттера, немца, проживающего в Берлине на Унтер-ден-Линден, занимаюсь вопросами бизнеса в компьютерной фирме «Гандвик».

– У вас, герр Вольф, не должно быть никаких сомнений, – заверил я коллегу. – Джонни – человек честный и заслуживающий доверия. Гражданин США. Он успешный и состоятельный бизнесмен. В общем, с моей стороны вам вручены верительные грамоты, а в остальном вы, как человек самостоятельный, можете согласиться на взаимодействие или... или послать этого янки на три известные в русском алфавите буквы.

Вольф пожал плечами, что означало: ладно, приводи, а там разберемся...

Я несколько раз приезжал к нему в загородный дом и любил этот пятачок бранденбургской земли. Недалеко от ре-

зиденции Маркуса раскинулось небольшое озеро, которое в любое время суток выглядело всегда необыкновенно. При чем независимо от сезона или времени суток, будь то осенний вечер, когда лучи предзакатного солнца ласкали душу без остатка своей умиротворенностью, или же разгар летней ночи, когда зеркальные блики и серебряная дорожка от громадной полной луны томила сердце какой-то вселенской грустью...

Согласно разработанной еще в Москве операции, мы встретились с Джонни «случайно» в небольшом берлинском ресторанчике недалеко от Европейского центра, и наша с американцем обоюдная страсть к коллекционированию оружия – холодного и огнестрельного – послужила прологом к неформальным дружеским отношениям. И это не было дежурной фразой...

Помнится, еще мальчиком я интересовался оружием. Я родился в Москве. Наш дом стоял напротив Политехнического музея. Мы со сверстниками лазили где попало. По крышам добирались с ребятами аж до Кремля. Охранники, конечно же, гонялись за нами, но только пугали, а так щадили нашу мальчишескую страсть к приключениям. По каким только чердакам и подвалам нас не носила нелегкая! И чего только мы не находили в крошечной темноте каменных казематов!.. Помнится, я отыскал наган с пятью неизрасходованными патронами. Отмочил оружие в керосине, протер, и потом мы брали его с собой, когда собирались в стайку и шли

на улицу. Сколько было гордости, храбрости и понта – словами не пересказать. Но взрослые обнаружили этот пистолет. Мать отнесла его в милицию. Наше мальчишеское горе было неизменно. С тех пор я остался фанатом оружия. Через мои руки прошли трофейные финские ножи, морские кортики, сухопутные кинжалы и даже кривая персидская сабля – ятаган... Любовь к холодному и огнестрельному оружию, моя страсть к охоте – все это, конечно же, сдружило меня с американцем.

Естественно, мы живые люди, и у меня был период, когда я был стопроцентно убежден в якобы существующих опасностях для подлунного мира, исходящих от сионизма и масонства. После падения СССР и вынужденного «самостроительства» я перечитал много литературы, находившейся под запретом, набрался уму-разуму и стал в своем роде «просвещенным» патриотом. А впоследствии, во время наших экспресс-встреч с одним из знакомых Джонни, который входил в одну из масонских лож, я получил возможность продолжительно общаться с ним, задавая прямые вопросы и получая такие же искренние ответы. Не обнаружив ничего криминального, я стал спокойнее относиться к «вольным каменщикам».

При моем участии состоялось первое randevu Маркуса с Джонни. И уже одно то, что американец оказался в Берлине со своей женой Инге, располагало к доверительным отношениям, было своеобразным гарантом неформальных отноше-

ний. Причем супруги Маркуса и Джонни напоминали родных сестер, хотя жена Джонни – Инге – была шведкой, а Андреа – немкой.

«Немецко-американскую» встречу пришлось организовать в «моей» квартире на Унтер-ден-Линден.

Когда гости прибыли с женами в мои апартаменты, их ожидал богатый стол с немецко-русской кухней. Моя «сестра» Валентина сдирижировала наш междусобойчик на светском уровне. Она постаралась на совесть и приготовила все с большим вкусом. Нужно было видеть, какой Валентина организовала стол! Описать невозможно – скажу лишь, что там было все: царское жаркое, котлеты по-киевски, холодец с хреном, расстегаи; рыбные, сырные и мясные платы; мясной и рыбный гриль готовился на глазах у гостей. И пирамиды фруктов, фруктовый коктейль с «кишмишным» виноградом и роскошный выбор напитков.

Первый этап знакомства прошел обычно, без сложностей. Джонни вызывал искреннюю симпатию. Он был точной копией героя-янки, коих мы насмотрелись в голливудских фильмах. От облика американца веяло не только породистостью, но и открытостью, искренностью; его темные волосы, слегка тронутые сединой, придавали ему своеобразный шарм англо-сакса, правда, штатовского разлива.

Джонни довольно хорошо говорил по-немецки, но с английским выговором и совершенно игнорируя падежи. Разговор начался с обычных, ничего не значащих слов, реплик,

традиционных шуток и острот. Разумеется, Вульф сразу же стал объектом пристального внимания Джонни. Он удивительно тонко вел с Вольфом и его женой беседу, внимательно посматривая на Маркуса и по очереди задавая вопросы ему, мне, Андреа. Правда, к середине застолья мы перешли к политике – злободневной теме: как Вольфы справляются с бесконечными нападками злобной части общественности и враждебно настроенных к ним СМИ. Разговор стал даже излишне политизированным. Джонни с американской непосредственностью начал расспрашивать Вольфа об общественно-политической ситуации после объединения немецких земель, о возможных перспективах немцев обеих Германий и взаимоотношениях «осси» и «весси»...

...Джонни не раз акцентировал свои монологи важным, по его мнению, понятием в жизни любого человека и гражданина – наличием личной свободы и искренней дружбы между людьми в государстве. Повторы этого тезиса несколько приелись, но в поведении и манерах американца не было ни спеси, ни высокомерия – того, что довольно часто бывает у успешных янки.

Джонни говорил без самодовольства о своих делах, которым он, по его словам, был обязан исключительно своей свободе. Еще будучи на службе в американской армии, расквартированной в Германии, Джонни начал с коллекционирования холодного оружия различных видов, которое нацисты оставили в больших количествах. Вместо того, чтобы,

как и другие военнослужащие, довольствоваться отдельными экземплярами военных трофеев и предаваться соблазнительным развлечениям времен оккупации, американец превратил свое хобби в прибыльное дело. Скоро его знания о холодном и прочем оружии Третьего рейха, которое досталось от различных нацистских организаций и подразделений вермахта в Золингене, помогли предприимчивому янки основать процветающий бизнес. Кроме того, Джонни обладал не только талантом коллекционера, прилежанием и основательностью чиновника, но и интуицией, или нюхом, успешного бизнесмена.

Позже он подарил Маркусу Вольфу свою книгу «Die Dolche und die blanke Waffe in Hitlers Deutschland»⁸. Это была серьезная работа о кинжалах, клинках и саблях времен нацизма, чем я тоже интересовался, но в более скромных масштабах. Разумеется, он снабдил книгу дарственной надписью и фразой, приписываемой Наполеону, в которой великий полководец утверждал, что в мире есть только два действенных инструмента: меч и дух, «правда, на протяжении всей исторической перспективы дух всегда побеждал меч».

– Носить бесполезный в современном бою меч было бы слишком архаично и обременительно, – говорил Джонни. – Конечно же, по боевым возможностям кинжал не намного лучше большого кухонного ножа, но обладание кинжалом побуждает человека к осознанию себя воином, а примитив-

⁸ «Кинжалы и холодное оружие гитлеровской Германии».

ный кухонный нож к этому не располагает. Кинжал, нож, штык-нож, траншейный нож – все это оказалось вполне приемлемым реквизитом и украшением в годы Второй мировой войны.

По словам Джонни, использование девизов и гравирование их на кинжалах восходит, скорее всего, к славным рыцарско-тевтонским временам. На кинжалах штурмовика, эсэсовца или подразделений СС и СА, имеющих одинаковую форму, значились девизы: у СА – «Alles fur Deutschland»⁹, у войск СС – «Meine Ehre heiBt Treue»¹⁰; у RAD¹¹ – «Mehr sein als scheinen»¹², «Arbeit adelt»¹³; у подразделений гитлерюгенда – «Blut und Ehre»¹⁴. Кроме того, были кинжалы нацистского Красного Креста или же национал-социалистического летного корпуса (NSFK). Мне показался любопытным, в своем роде, штык-нож с основанием рукояти в форме головы орла. Сабля использовалась как парадное и наградное оружие у офицеров. А сам ритуал вручения офицеру вермахта холодного оружия – сабли, кинжала или подарочного меча с длиной лезвия 70 сантиметров – проводился в торжественной обстановке и в классической форме оккультных наук.

⁹ «Все для Германии»

¹⁰ «Моя честь – верность»

¹¹ RAD (Reich Arbeit Dienst) – служба работы Рейха.

¹² «Больше быть, чем казаться»

¹³ «Труд облагораживает»

¹⁴ «Кровь и честь»

– Что касается пистолетов, то они не получили в Третьем рейхе знакового статуса, – рассказывал Джонни. – Но некоторое движение в сторону их символизации имело место – было принято ношение партийными руководителями именного огнестрельного оружия...

Интерес Джонни к продолжению контактов с видным деятелем разведки ГДР сохранялся постоянно и был продолжен в разных формах. При этом первоначально у американца преобладали любопытство и страсть коллекционера. Его интересовало буквально все: от офицерской «гэдээровской» формы, морских и сухопутных кортиков до чудесных клинков с Русского Кавказа и богатой коллекции охотничьих ружей из России. Чисто по-американски Джонни, не церемонясь, называл цену некоторым понравившимся экземплярам из экспозиции, имеющейся у Вольфа.

Удивлял его типично американский интерес к главным фигурам нацистского режима и всему, что было связано с историей Третьего рейха, начиная от Рудольфа Гесса (нацистской фигуры № 3), заместителя фюрера, этого alter ego¹⁵ Гитлера, улетевшего на «Мессершмитте BF-110» 10 мая 1941 года в Великобританию с некоей секретной «мирной миссией».

Джонни даже встречался и разговаривал с последним британским комендантом крепости Шпандау, а тот с подробностями очевидца событий рассказал о бесславном конце за-

¹⁵ Alter ego [альтэр эго], латин. «другой я», близкий друг и единомышленник.

ключенного номер один (Рудольфа Гесса или, может быть, его двойника), кончина которого 17 августа 1987 года более походила на убийство, чем на суицид. Комендант поведал ему также об Альберте Шпеере, личном архитекторе Гитлера, сподвижнике фюрера, единственном, кто признал в Нюрнберге свою вину в преступных деяниях нацистского режима, и отсидевшего 20-летний срок в тюрьме (янки сумел приобрести его мемуары «Внутри Третьего рейха» с дарственной надписью).

Мне тогда показалось, что повышенный интерес американца к материальным реквизитам немецкой истории эпохи Гитлера волей-неволей ставит того же Маркуса Вольфа в некий ряд с этими одиозными фигурами, но сам Маркус с иронией относился к этой страсти американца. Он с едким сарказмом рассказал мне, как однажды поехал с Джонни осматривать остатки помпезного охотничьего угодья и замка рейхсмаршала Германа Геринга в Каринхалле. Американец, следуя своей глубинной страсти коллекционера, ползал среди развалин некогда шикарного дворца рейхсмаршала с бассейном, вода которого подогревалась круглые сутки, забирался в подвалы и вытаскивал из остатков руин смятые кружки, пуговицы, монеты и другие реликвии. А позже Джонни уговорил Маркуса посетить поместье и шале Адольфа Гитлера «Бергхоф», которое находилось в высокогорном районе Оберзальцберг в Юго-Восточной Баварии. Подъем на «Бергхоф» был чрезвычайно крутым, дорога петля-

ла поворотами. Но с высоты горный ландшафт пленял сразу же и навсегда. Очаровательные горы, поросшие лесом, озеро Кёнигсзее казались волшебной картинкой. Вот уже полвека «Горный приют» Гитлера, переоборудованный рациональными янки в отель «Дженерал Уокер», используется армией США – ее солдатами и офицерами «для накопления сил» за счет лыжных гонок, санных переходов, игр в гольф и пинг-понг. Здесь американские солдаты приходили в себя от стрессов после операций в Ираке, Кувейте и Югославии. Высокогорную ставку фюрера ежегодно посещают до 300 тысяч туристов.

Джонни был приятно удивлен, когда заметил, что среди туристов подавляющее число – его соотечественники. И здесь американец остался верен себе: он излазил все вдоль и поперек и даже обнаружил на стене бункера незакрашенную неонацистскую надпись: «Führer lebt in unseren Herzen!»¹⁶

Правда, этот почти что наивный интерес Джонни к персонажам истории, а в особенности к предметам и свидетельствам прошлого, был традиционно американским: шовинистический дух янки также волновали и пленяли достопамятные времена Римской империи, Египта эпохи фараонов, Шумерской цивилизации, их руины и постройки, скульптуры и атрибуты того времени. Создавалось впечатление, что американцы, имея 200-летнюю историю своего государства, лихорадочно примеряли имперскую тогу величия к США в

¹⁶ «Фюрер живет в наших сердцах!»

обозримой хронологии цивилизаций мира...

Джонни, как уже говорилось, окунувшись с головой в мир коллекционеров оружия и торговцев военным имуществом, сумел стать довольно-таки состоятельным человеком. Было любопытно наблюдать, как американец увлекался каким-нибудь предметом, реликвией или объектом и как профессионально оценивал его. Все это происходило как бы между прочим, походя. Причем о цене или оплате он говорил просто, без всяких комплексов. Вероятно, этот небрежный образ действий и естественное дружелюбие были причинами, способствовавшими, среди прочего, деловым успехам янки.

Надо отдать должное персоне Джонни как подвижнику и хранителю памяти о погибших ратниках; причем его равным образом интересовали солдаты и офицеры по обе стороны баррикад, отдавшие свои жизни на поле брани. Например, когда он приезжал в Москву, его интересовало все: оружие, обмундирование, а также захоронения или кладбища павших в боях немецких или русских военнослужащих. Джонни установил контакт с общественными российскими объединениями, которые на подвижнических началах следили за захоронениями немецких солдат, разбросанными по России. Он внёс пожертвования на эти цели и сам собрал найденные опознавательные жетоны эксгумированных погибших вермахта. Если жетоны были целы, то есть распознаваемы, это значило, что родственникам не было известно место захоронения. В Германии Джонни связался с немецкой организа-

цией по уходу за могилами погибших, чтобы через нее оповестить еще живущих родственников. Сколько благодарных людей молились за Джонни, желали ему только хорошее, пели ему Осанну!

V. «Ich will Helm!»¹⁷

Магда Геббельс: «Своего мужа я, конечно, люблю, но мое чувство к Гитлеру сильнее, за него готова отдать жизнь...»

Лени Рифеншталь, «Мемуары»

Несколько позже Вольф показал мне дом, который купили Джонни и Инге вместе с участком – в тесном соседстве с летней резиденцией моих немецких коллег и друзей. Дом вскоре был перестроен по вкусу рационального янки. Джонни привез из США целый вагон американского хозяйственного оборудования и постепенно заполнил подсобные помещения своими бесчисленными приобретениями – самыми разными военными аксессуарами (радиотехникой, оружием, амуницией и другими предметами, которыми пользуются в армии и на флоте).

Из Америки Джонни регулярно присылал Маркусу письма, одно из которых Вольф показал мне.

«Я хочу выразить тебе благодарность за время, энергию и усилия, которые вы оба, ты и Андреа, употребили для того, чтобы сделать наше пребывание в Берлине таким приятным. Это было действительно нечто особенное, для нас стало большим счастьем иметь таких сердечных друзей, кото-

¹⁷ «Я – Вильгельм!»

рые, не считаясь со временем, познакомили нас с частью достойного уважения немецкого образа жизни. Без твоего личного и особого внимания нам никогда не удалось бы увидеть и одной десятой того, что перед нами открылось.

Я надеюсь, что смогу принять вас как своих гостей и дорогих друзей в моем доме в Квинсе. Мне доставило бы большое удовольствие не только показать вам наш чудесный город Нью-Йорк, но и прекрасно провести вместе время в дружеской обстановке. Будем надеяться, что ваши проблемы вскоре останутся позади, а в твоей жизни вскоре настанут лучшие времена. Рядом с нами есть два сокровища, ведущих нас через бури и трудности, которые мы порой сами создаем себе.

Наши жены – это самое лучшее, что у нас есть. Без них мы бы просто пропали.

Если я чем-то могу помочь тебе, звони мне как другу. Я воспринимаю дружбу, наряду со свободой, как важнейший фактор жизни. Я нашел цитату, о которой говорил тебе. Это из Роберта Бёрнса, и звучат слова поэта так: „Я думаю, ведь это чудесно, что мы будем братьями. Братья не должны любить друг друга. Братья должны знать друг друга и заботиться друг о друге. В этом все дело“.

Еще раз большое спасибо за все, а больше всего – за сердечную дружбу.

Твой Джонни, Квинс, США».

Эта странная, скорее психологическая поддержка Джон-

ни в непростых обстоятельствах, выпавших на долю Маркуса и его жены, казалась мистически-загадочной. В общем, моё сердце и сердце американца бились в унисон: мы переживали за судьбу нашего коллеги и друга Маркуса Вольфа, желали, чтобы у него все сложилось хорошо.

Это смутное время, которое корректнее всего назвать переломом, изменило нашу жизнь. Во всяком случае, я знал, что пройдут годы, и я буду с благодарностью вспоминать бурные обстоятельства тех месяцев, потому что мне пришлось играть своеобразную роль коренника в этой тройке русско-го, немца и американца (правда, для янки я был контрразведчиком из БФФ). Хотя последующее наше общение было мимолетным и мы более уже не встречались втроем, я продолжал ощущать себя членом своеобразного экипажа, который мчался вперед, как русская птица-тройка...

В то время мы узнали много такого о судьбах и внутренней жизни каждого из нас, что в естественных условиях прошло бы незамеченным.

... Как-то, рассказывая о тяге Джонни ко всему тому, что было связано с Третьим Рейхом, Маркус Вольф поведал мне удивительную историю о своем отце Фридрихе Вольфе, происшедшую накануне Первой мировой войны... признался, что поражался умению Вольфа-старшего создавать необыкновенные эссе о животных. Он мог часами слушать такие сказки и рассказы о животных, как «Рождественский гусь Августа» или его очаровательные истории о дельфинах, ко-

торые Фридрих Вольф рассказывал юному Маркусу и его брату. Поэтому отец Маркуса с удовольствием посмотрел в синематографе (а было это в 1912 году в Берлине) немой ролик Дуровых «Животные могут творить чудеса!» Вольф-старший был полностью покорен русскими дрессировщиками. Главный сюжет кинокартины раскручивался на вокзале, роли пассажиров играли разные зверушки. Впервые кинематограф показал знаменитую дуровскую железную дорогу, где кассир-обезьяна продает билеты, начальник станции – гусь – перед отправлением поезда звонит в колокол, носильщики-хорьки помогают везти багаж пассажиров. На платформе разворачивалось настоящее мелодраматическое действо: «рубаха-парень» фокстерьер Пик не успевает на поезд, в котором напыщенный сен-бернар Лорд увозит на «собачью ривьеру» свою племянницу, аристократку-болонку Мими...

Прошло какое-то время, и Фридрих Вольф оказался зрителем антрепризы русского циркача Анатолия Дурова. Представление состоялось в берлинском цирке «Зимний сад»¹⁸.

В одном дуровском эпизоде, на первый взгляд безобидном и простецком, получилось нечто знаковое, символическое, предопределяющее грядущий триумф и трагедию нацистской Германии...

Поначалу арену заполнили наездники под руководством знаменитого русского итальянца Вильямса Труцци, этакого «рыцаря цирка». Артисты демонстрировали сложные аллю-

¹⁸ «Wintergarten».

ры на лошадях. Сердца берлинцев, конечно же, ликовали от такого великолепного зрелища. Ну а когда артист с завязанными глазами, мчась галопом, не останавливаясь, доставал с арены карту из различных колод по желанию зрителей, публика просто редела от восторга.

...И вот на манеже Анатолий Дуров, один из патриархов русской сатирической клоунады. Коверный вынес бутафорский шлем, чрезвычайно напоминающий тот, что венчал голову кайзера Германии Вильгельма. Следом на арену выбежала свинья, эдакая сытая розовобокая хавронья. За ней – Дуров с шамбаньером в руке.

– Дорогая свинья, подойди ко мне¹⁹, – в манере балагура по-немецки произнес Дуров.

В ответ – молчание.

– Случилось что-нибудь?²⁰ – обескураженно поинтересовался Анатолий Дуров. – Ты больна?²¹

Хавронья все в той же каменной позе.

– Ты хочешь кушать?²² – терялся в догадках Дуров.

Вновь томительная пауза.

Клоун театрально пожал плечами и, прогулявшись по арене, как будто размышляя о дальнейших действиях, наконец, приблизился к свинье.

¹⁹ Sehr geehrtes Schwein, passe zu mir.

²⁰ Es kam an etwas vor?

²¹ Du bist krank?

²² Du willst ist?

– Ладно, тогда я спрошу мадам с глазу на глаз²³, -проговорил Дуров и наклонился к уху хавроньи для доверительной беседы.

Он сделал вид, словно перешептывается с животным, затем выпрямился. И торжествующе обвел взглядом ряды кресел.

Между тем чушка поддала рылом шлем, как будто захотела натянуть его себе на морду, и громко хрюкнула.

– Эта свинья заявила мне: «Я хочу шлем!»²⁴ – громыхнул Анатолий Леонидович в отличной манере декламатора на немецком, да так, что под сводами цирка Wintergarten отозвалось трансформировавшимся эхом:

«Я – Вильгельм!!!»

Алекс Вульф пояснил этот эпизод:

– Надо заметить, что для уха германского бюргера тут прозвучал зловеший каламбур. Во-первых, хавронья действием дала понять, что желает водрузить на свою голову кайзеровкий шлем; ну а во-вторых, прозвучавшим по-немецки «Ich will Helm!», был продемонстрирован полный абсурд для немецкого уха, будто «русская свинья» заявила: дескать, я, чушка, и есть ваш кайзер Вильгельм!

... После такой репризы либерально-демократический запал Фридриха Вольфа сработал, конечно же, на полные обороты, и он взорвался искренним и безудержным хохотом.

²³ Also, dann ich werde Madame unter vier Augen fragen.

²⁴ Es ist Schwein erklart mir: «Ich will Helm!».

Его активно поддерживали молодые люди, настроенные либерально-демократически: кто топал ногами, кто бешено рукоплескал.

Но вскоре эмоциональный всплеск социал-демократов утонул в гнетущем молчании берлинцев. У добропорядочных бюргеров, любящих всякую власть, а кайзеровскую в особенности, восторги антимонархистов и левых социалистов вызвали не то чтобы неодобрение, а даже клокочущий протест.

Только теперь Вольф-старший заметил полный укоризны взгляд пожилого бюргера, который не замедлил высказать крайнее недовольство «провокационным» номером русского клоуна:

– Может быть, молодой человек, среди вас, нигилистов, считалось хорошим тоном высмеивать кайзеровский двор, но для нас, патриотов Германии, – это просто нонсенс, невоспитанность и даже цинизм. – Двор Гогенцоллернов был и остается превыше всего!..

По словам Маркуса Вольфа, у русского дрессировщика после скандальной репризы были серьезные неприятности с немецкой Фемидой. Власти Берлина решили преподать «пересмешнику» жесткий урок. На следующий день Анатолия Дурова арестовали и препроводили в тюрьму; он провел в заключении полмесяца. Только благодаря блестящей защите известного адвоката-коммуниста Карла Либкнехта Анатолия Дурова освободили из-под стражи, а после выплаты

большого денежного штрафа он покинул пределы Германии. Фридрих Вольф не придавал тогда особого значения этой реплике зрителя-соседа, в которой сквозила болезненная реакция и даже нетерпимость. Зловещий смысл нотации в цирке Wintergarten проявился значительно позднее. Довольно скоро многие, можно сказать, на своей шкуре познали, что глава немецкого государства – кайзер Вильгельм, а господствующие классы in Deutschland – юнкерство и буржуазия. А прочувствовали все эти подробности сначала в Первой мировой войне 1914 года, а затем и после «пивного путча» в 1923-м и далее вплоть до 1945 года.

Прологом к нацистской катастрофе была война 1914 года. Тогда в панике бежали из немецких пределов те же русские, кто так или иначе не вписывался в стандарты кайзеровской Германии.

Ну, а утвердившийся на германских землях Третий Рейх поставил все точки над i. Преследовали точно бешеных собак: высылали за границу, сажали в тюрьмы или просто убивали, – не только за инакомыслие, но и по расовой принадлежности, за то, что не немцы. Глумились над всеми без разбора: женщинами, детьми, стариками. И все это на той же германской земле, в том же культурном Берлине, где еще недавно педантичные бюргеры мыли брусчатку улиц водой с мылом...

Маркус Вольф довольно сурово прокомментировал историю, рассказанную его отцом:

– Адольф Гитлер появился уже на подготовленной и удобренной почве, где до него успели вырасти деревья с ядовитыми плодами. Фюреру оставалось лишь слегка потрясти их, чтобы этот страшный урожай просыпался бомбами и снарядами на страны Европы, Азии, Африки...

А о творчестве отца он высказался несколько парадоксально:

– Кто-то из великих сказал: сочинитель тогда состоится как писатель с именем, когда создаст роман от лица женщины и напишет рассказ про собаку или лошадь. Примеры: «Мадам Бовари» и «Холстомер». У отца есть и то и другое. Значит, мой отец состоялся как писатель.

– Недаром нацисты жгли его книги, – добавил некстати я...

Маркус считал меня дисциплинированным и результативным офицером, который не уходил от конфликтов с вышестоящими начальниками. Он даже сравнивал меня с Джонни – но тот по своей природе был игроком и неустанно искал приключения на свою голову; многие из его прошлых авантюр, если бы о них стало известно руководству страны, могли стоить ему карьеры.

Правда, в чем-то, характеризуя меня, Маркус был, несомненно, прав, хотя и преувеличивал мои образцовые качества. Например, в том, что я из-за моей независимости и свободолюбия отказывался от предлагаемых повышений по службе. Откровенно говоря, меня не влекли ни карьера, ни

чиновничьи кресла в конторе. Но в одном он был прав: менталитет у меня был все-таки русского человека. Честно признаться, в своих политических оценках я не скрывал от Маркуса и американцев, что не одобряю президента Горбачёва и его политику развала СССР и ГДР. В остальном я был верен своей стране, презирал предательство и предателей. По-своему я ценил одиночество, особенно на природе, и собирался провести остаток жизни где-нибудь в милом сердце Подмосковье, хотя и был горожанином до мозга костей, а точнее – коренным москвичом.

... Маркусу из-за ограничений Федерального суда Германии и близких сроков судебных заседаний было запрещено покидать свое место жительства в районе Берлин-Митте или лесную резиденцию в окрестностях столицы. Поэтому, как я говорил, гидом у того же Джонни и его супруги приходилось быть мне. Я с удовольствием организовывал вояжи американцев по столице, но без Вольфа, а они, в свою очередь, с неподдельным интересом знакомились с новыми гранями берлинской жизни объединенной Германии.

Джонни, благодаря моим старым связям и знакомым, удалось установить новые деловые отношения, которые он в последующем сумел успешно развить. Как коллекционера его интересовало многое, предметы, ставшие объектами его деловой активности, он, поторговавшись, покупал. Пожимал плечами и простодушно признавался:

– Ничего не поделаешь! Это мой бизнес...

Джонни и Инге как могли поддерживали Маркуса и Андреа Вольфов. Особенно это пригодилось в критические дни первого процесса против генерала «Штази». Работал своеобразный тандем: Инге- Андреа. Американская подруга присылала эмоциональные депеши, искренний текст которых творил чудеса.

Ингебора сообщала в одной милой открытке:

«Я могу только надеяться, что эти ужасные недели быстро пройдут и к Маркусу отнесутся справедливо. Я искренне верю в справедливое решение по его делу, поскольку весь мир следит за этим. Меня больше беспокоит ваше здоровье, эта разорванная семейная жизнь и новые сердечные страдания. Однако я знаю, что ты сильная и у тебя невозможно отнять веру в лучшее. Направь свой гнев против тех, кто нападет на тебя и кто причиняет тебе зло. Думай только обо всех хороших людях, с которыми ты познакомилась в жизни, о цветах, о деревьях, о море, солнце, луне и о нас. Ингебора. Квинс, США».

Был свой шарм во встречах «без галстуков». Когда жены Маркуса и Джонни отправлялись по делам в Берлин, американец без предварительной договоренности заходил к Вольфу и они за бокалом красного вина философствовали о жизни, политике, истории. Царившая в их отношениях гармония помогала Вольфу настроиться на будущие судебные бои «без правил», в которых он не собирался выкидывать белый флаг поражения.

Джонни заболел идеей фикс: в центре Берлина, рядом с бывшим КПП «Чекпойнт Чарли» он вознамерился создать Музей шпионажа. И постоянно был в поиске, доставая предметы, реликвии и прочие вещдоки для будущей экспозиции. Когда в Лондоне проходил аукцион, где можно было приобрести предметы из имущества, оставшегося в наследство от знаменитого Кима Филби, американец летал в Великобританию. Для будущего Музея шпионажа Джонни удалось приобрести некоторые личные вещи и фотографии суперагента СССР с надписью, сделанной рукой вдовы Филби. На фотографиях можно увидеть и Вольфа рядом с этим всемирно известным человеком. Джонни говорил об англичанине с уважением, в отличие от его соотечественников, считающих Кима Филби примитивным предателем.

– У Филби была идея, а не бизнес, – не уставал повторять он, закоренелый бизнесмен. – А «идейность», как и душа, не продается...

Более того, Джонни, будучи на родине, в США, предпринимал шаги в поддержку Маркуса Вольфа, которые не совсем отвечали интересам его бизнеса и даже могли породить дополнительные трудности его гешефта. Это не было просто свидетельством человеческой симпатии. Американец видел в Маркусе, и во мне, и в тех, с кем он и мы работали по разные стороны баррикад в разведке, прежде всего глубоко убежденных солдат холодной войны, которая канула в Лету. Джонни как мог поддерживал чету Вольфов в их стоиче-

ском противостоянии с германской Фемидой, прекрасно понимая, что тот же Миша, даже находясь под угрозой заключения, осознает свою историческую ответственность перед «Штази» и коллегами, а потому прилагал усилия для прекращения преследования «ратников невидимого фронта».

... Маркус в шутку назвал неистребимое стремление янки к коллекционированию и создание Музея шпионажа «миссией Джонни», намекая на распоряжение Гитлера в 1939 году создать в австрийском городе Линце грандиозный музей – уникальное собрание произведений искусства – картин, антиквариата, оружия, – сокровищ из всех покоренных Германией стран. Эта акция была закодирована как «Миссия Линца» и возглавлялась известным искусствоведом и знатоком старого итальянского и нидерландского искусства профессором Гансом Поссэ...

Для того же Музея шпионажа Джонни взялся делать видеофильм об Маркусе Вольфе. С помощью киносъёмочной группы из США он приступил к работе с Маркусом, которого настраивал на доверительные беседы обо всем, что могло бы «заинтересовать его внуков», – кстати, неплохой технический прием. Так возник ролик, хранящийся у Вольфа, который я смог просмотреть: в течение многих часов Джонни безжалостно интервьюировал Маркуса. В отличие от остальных документалистов-«киношников» Джонни удалось своим американским наивным любопытством и сдержанным участием в беседах вытянуть из Вольфа самые блистатель-

ные и откровенные повествования о «секретной» жизни руководителей «Штази». Для американца Маркус казался живым свидетелем событий и знаменательной фигурой эпохи «холодной войны». А непосредственное прикосновение к реальным скрижалям истории будоражило кровь американца большими дозами адреналина.

Надо отдать должное: Вольф провел свои сессии на высоте, в этих продолжительных беседах с Джонни ему удалось не только донести собственную позицию, но и взгляды исторических персоналий, а главное – мотивы действий разведчиков по обе стороны баррикад: НАТО и Варшавского пакта.

Сложно было сформулировать такое понятие, как доверие в разведке и как его завоевывать. Время, профессиональный опыт – вот реальные козыри, или ключи, к этим важным проблемам. И все же интуиция в службе разведки – главное качество в профессии разведчика. Нередко возникали вопросы, когда речь шла о надежности контакта. Тогда я спрашивал: представь себе – война и ты получаешь задание пойти в разведку за линию фронта. Пойдешь с этим человеком? Даже когда речь шла об офицерах высокого ранга из центрального аппарата, я ставил перед собой этот классический вопрос. И не всегда положительно оценивал испытуемого.

Конечно, я не мог быть уверенным в том, что все досконально знаю о деятельности Джонни на службе своей страны. Из его рассказов я понял, что наш американский друг был не так уж далек от спецслужб США, поскольку многие риско-

ванные сделки с оружием без благословения ЦРУ были попросту невозможны. Во время рассказов о своих трудностях с правосудием наш янки мимоходом упомянул имя скандально-известного подполковника Нортонa, который своими масштабными сделками с оружием привлек внимание мировой прессы. Из снисходительных замечаний о бюрократах, которые есть во всех административных аппаратах и на Востоке, и на Западе, можно было догадаться, что у него были малоприятные конфликты. Но Джонни не детализировал событий, о которых упоминал.

Естественно, Джонни ожидал таких же недомолвок и от Маркуса Вольфа и что тот поостережется раскрывать бывшему противнику государственные тайны времен своей работы в спецслужбах ГДР. Дружба и взаимное доверие, возникшие у Маркуса и Джонни за то недолгое, но бурное время их знакомства, строились на сугубо личной основе, весьма далекой от их прежней деятельности. Глядя на их взаимоотношения, я почему-то был уверен, что Джонни никогда не предаст Маркуса, не подставит его и не бросит в беде. Это было традиционное поведение бывших классических противников...

VI. Это было убийство

*Cui bono?*²⁵

Превратившись в Ганса Фрайера, агента по недвижимости из Франкфурта-на-Майне, я приступил к следующей операции «Голубки», где многое, а в особенности прецедент с гибелью нашего агента Хантера, было непонятным...

С Келли и Бастианом я познакомился еще в прошлые свои командировки в Зальцбург на международный «Урановый конгресс». Затем мы мимолетно встречались в Берлине на конференции «Жертвы облучения», причем жили недалеко друг от друга, в комфортабельном отеле Кемпински. Погода в столице стояла тогда на редкость солнечная и теплая. Герд и Петра смотрелись очаровательно, были в хорошей форме. Келли была в ударе, дважды выступала с докладами, давала интервью по ТВ, виделась с друзьями и подругами по движению «зеленых».

Перед нашей новой встречей я созвонился с Келли, мы обменялись обычными фразами. Петра пригласила меня к себе в гости, в Танненбуш под Бонном, в свой шикарный особняк. Причем предупредила, что днем она с Гердом бывают в отъезде, а вечером и ночью – на месте. И чтобы я не церемонился и приезжал в любое удобное для меня время. Если

²⁵ Кому выгодно? (лат.).

я их не застану, то соседка Розмари Лоттерс, дружившая с Келли и Бастианом и жившая рядом, поможет мне попасть в особняк. Но последняя фраза ее была сказана для вида, поскольку она знала, что у меня есть ключи, а войти в особняк я могу самостоятельно в любой момент.

До боннского турне у меня было время, чтобы внести кое-какие коррективы в планы по предстоящему мероприятию за мир «Акции благоразумия». Западные и восточные «зеленые» должны были идти под общим флагом. На сей раз мне повезло: координатор гринписовцев Теодор Бэр тогда был в Берлине, и мы с ним повстречались в их штаб-квартире в здании на Тулпенфельд. Если руководитель союза «зеленых» Бэр торопил проведение акции, то генерал Бастиан, наоборот, – постоянно притормаживал, и мероприятие откладывалось на более поздний срок. Из-за разногласий во взглядах. На меня была возложена дополнительная миссия консолидатора и катализатора событий.

С генералом Гердом Бастианом мы договорились о том, что нужные мне списки и бумаги я заберу у них в Танненбуше – где-нибудь через пару недель. Документы будут лежать в небольшой картонной коробке из-под ножного насоса для надувного матраца, за первым рядом книг на стеллаже, рядом с подборкой журналов «Нейшнл Джоигрэфик» за нынешний год...

В Бонн я приехал довольно поздно и, взяв напрокат неброский «фольксваген», отправился в небольшое предме-

стве бывшей столицы ФРГ Танненбуш. Дорогу я знал по прежним приездам в гости к этой очаровательной «политической паре Германии», как их частенько называли в прессе...

Отшумел первый месяц осени, заканчивалась первая декада октября. Но здесь, на западе Германии, было еще полетнему тепло. Правда, погода портилась, стал накрапывать мелкий дождь, но стрекот придорожных кузнечиков, залетавших через приоткрытое окно, создавал иллюзию летнего благоденствия...

Поскольку я уже не раз бывал у Келли, профессиональная осторожность подсказала мне поставить свой «фольксваген» метров за двести от ее особняка на Свинемюндерштрассе и в таком ракурсе, чтобы машина не вызвала каких-либо подозрений. А сам пешком направился к апартаментам Келли.

Дом Петры со стороны казался неприступной крепостью. На всех окнах и дверях висели предупредительные тексты: «Просьба не открывать. Оглушительная сигнализация». Кроме того, еще этой весной Петра заказала провести дополнительную проводку в саду – световую сигнализацию на манер ограничительного барьера. Тогдашняя мнительность и всякие там страхи были господствующими моментами в ее насыщенной событиями общественно-политической жизни. И как оказалось, не напрасно...

Когда я подошел в 10 часов вечера к ее особняку, в нем не светился ни один огонек, и его громада, погруженная в

полную темноту, казалось, всей своей машиной растворилась в ночи.

Машинально взглянув на почтовый ящик, я обратил внимание, что он был полон корреспонденции – признак того, что хозяева с неделю как отсутствуют. Хотя почту могла забирать и соседка, присматривающая за особняком.

Поскольку Петра не держала сторожевой собаки, я смело выдвинулся вперед и скоро убедился: предупредительная сигнализация была отключена. Значит, дома кто-то был.

Вначале я колебался: как же поступить дальше? Я зримо чувствовал, что за стенами коттеджа кто-то есть – хозяева или их гости, но реальные люди.

Дернул за ручку дверь – заперто.

«Странно! Более чем странно! – машинально подумал я. – И время детское. Петра вообще ложится спать под утро, где-то в 4–5 часов».

Озабоченный догадками, я обошел дом, взобрался на террасу, толкнул дверь – та была незаперта.

Я вошел, прислушиваясь к тишине. Ни шороха, ни звука. Прикрыл за собой дверь. Об отпечатках я не беспокоился, поскольку сразу же надел на руки перчатки. В перчатках я поневоле ощутил себя закоренелым преступником.

Воздух был спертый и тяжелый, как будто что-то испортилось или сгнило. Не было смысла осматривать комнаты в поисках «жучков» и прочих подслушивающих устройств. Сансаныч предупредил, что они здесь есть, да и телефон по-

что наверняка прослушивался. Если оппозиция (в Центре) и впрямь проявляла активный интерес к этой политической паре Германии, то я, как слишком лояльный к своей стране оперативник, должен был бы убедить противную сторону, что тот имеет дело с подлинником, а не с подсадной уткой.

Я и не помышлял о том, чтобы намеренно выводить из строя их электронику. Напротив, я надеялся, что все оборудование функционирует как подобает, поскольку мои обязанности заключались в том, чтобы придать еще большую достоверность той роли, которую играла эта политическая пара в общественной жизни Германии.

Хорошо, что я предусмотрительно прихватил небольшой фонарик, который приходится постоянно брать с собой в заграничные и иные путешествия. Мало ли что – погас свет, нужно тихо пройти, не включая светильники или люстры. И тут фонарик – в самый раз.

Я уже бывал в этом доме и поэтому неплохо ориентировался в здешних апартаментах. Быстро прошел в переднюю. Затем пересек жилую комнату, подошел к роялю Петры и, минуя открытый камин, направился по лестнице вверх, в небольшой рабочий кабинет. На полпути остановился.

Господи, что это!.. Тонкий лучик моего фонаря высветил на ступеньках неожиданную картину. Валялись замшевые мужские перчатки со знакомыми инициалами «Г. Б.», а выше – разбросаны в беспорядке книги. А далее я увидел тело генерала Бастиана, распластавшееся на лестничной пло-

щадке...

Картина была ужасная: пуля была выпущена ему в лоб, а потому кровью было залито все кругом.

На небольшом столике в маленькой рабочей комнатке генерала я обнаружил записку Петры Келли своему спутнику, которую она написала, вероятно, перед тем, как лечь спать. Поскольку Герд вставал рано, он мог с успехом выполнить часть ее поручений. Я скользнул глазами по тексту:

«Мой Гердик!

1) Пожалуйста (только пораньше), закажи цветы для фрау Домберг в Бонне и для моей бабушки Бирле (2 букета). Не забудь: у моей бабушки день рождения (одну шаль ценой от 50 дойчмарок). Но шаль должна быть там раньше всего. И еще. Насчет билетов: не забудь заказать, Герд. Привет!

Твоя Петра крепко обнимает тебя в честь 87-летнего дня рождения моей бабушки Бирле.

Божьего благословения тебе.

2) Еще раз напоминаю: билеты на поезд!

3) Где находится Заксенхауз?

4) Завтра до?. (если время терпит до 10.30, то разбуди меня в 10.00).

P. S.: Я люблю тебя!!!»

Я вспомнил, что генерал еще на конференции говорил, что собирается с Петрой посетить бывший концлагерь Заксенхауз. Я мимолетно встречался с ними в Берлине на конгрессе, где мы договорились о нашем randevu под Бонном.

И я представил Герда Бастиана, как он, обычно довольно рано встающий, занимался утром в доме Келли – тем же, что и в апартаментах отеля Кемпински: расклеивал жёлтые или зелёные листочки с короткими приписками о том, что нужно сделать, – своеобразные «заметки на память».

Скорее всего, распорядок утра следующего дня был зеркально похож на все предыдущие. Бастиан поднялся, как всегда, первым. На улице моросил дождь. Голова у него немного побаливала: давление. Он заварил кофе на маленькой кухне, правда, сесть здесь было негде, так как все стулья и стол были завалены бумагами Петры (это ее любимое рабочее место).

Попозже он спустился сюда, на первый этаж. Это было хлопотно, поскольку после тяжелой травмы в ДТП в марте этого года он передвигался с помощью костылей.

Герд старательно вычеркивал каждую позицию из списка Петры, чтобы все было готово к тому моменту, когда она проснется. Букет цветов для ее бабушки-именинницы будет лежать на журнальном столике. Нужно заказать билеты на поездку в Заксенхауз.

Картина становилась для меня более-менее понятной. Сегодня на календаре 8 октября. А неделю назад, после обеда, они должны были отправиться в направлении Кёльна, чтобы побывать в бывшем концлагере и возложить там цветы, а вечером вернуться к себе, под Бонн.

Я скользнул лучом по листам бумаги рядом с портативной

печатной машинкой UNIS, изготовленной в Сараево. Это личное письмо Герда в Мюнхен своей супруге Лотте, на которой он был женат 47 лет и с которой «ни за какие драгоценности мира не собирался разводиться».

«Любимая моя женушка!» – начал он неторопливое письмо и разразился на целых полторы странички вполне семейной болтовней, грозясь приехать в Мюнхен перед ее отпуском 4 октября этого года («из-за нелепого страха, заразившего тебя», – признавался Г. Б.). Далее генерал подробно рассказывал о прожитом им последнем дне форума «Конгресс жертв облучения», встречах и дискуссиях, оказавшихся на редкость интересными.

Как он признавался супруге: «... Я повстречался со многими хорошими друзьями по общей долголетней антиядерной борьбе, и все вышло как нельзя лучше. Точно так же, как и на конгрессе в Зальцбурге – на международном „Урановом форуме“. Правда, мы с Петрой должны были озвучить одну сенсационную новость, но передумали, решив оставить это на наши отечественные СМИ, тем более что у нас уже имелась договоренность о публикации в одном уважаемом журнале. Но... промолчу до поры, до времени...»

Я вспомнил одну «сенсационную новость», которую хотела озвучить эта политическая пара. И стал читать дальше... Вот пошли строчки уже в другой тональности, касающиеся повторного посещения печально знаменитого концлагеря, которое генерал планировал совершить с Келли:

«... Я уже бывал здесь и чувствую себя безумно плохо в этих местах (Заксенхауз), где каждый листок, каждый стебелек травы еще проникнуты болью людей, которая терзала их тела и души и разлита наверняка здесь на каждой пяди, повсюду. Как-то мне попались юные неонацисты, своими выходками оскверняющие память жертв гитлеровского режима».

Далее Герд Бастиан сообщил жене о том, что деньги придется снять со счета в банке для ее предстоящего отпуска. В заключение депеши Г. Бастиан передавал привет дочери: «... Так много случилось за один лишь день, как будто вся жизнь пролетела перед глазами. А посему адресую вам девиз: долгих лет жизни и много-много сердечных пожеланий. Обнимаю вас с Эвой, ваш Герд Бастиан».

Письмо так и осталось не отправленным. Тут же я нашел факс-сообщение со строчкой текста: «Пожалуйста, позвони мне. Срочно. Теодор Бэр».

Если разговор 1 октября с руководителем «зелёных» состоялся, то, вероятнее всего, он был последним в его жизни. Я был в курсе событий. Скорее всего, речь шла об общей акции западных и восточных движений за мир, которая постоянно откладывалась. В успехе по реализации проекта «Бэра – Бастиана» – по утверждению обоих – отсутствовала идентичность взглядов. Если Бэр торопил: «Акция благоразумия должна быть ускорена!», тогда как Бастиан намеренно затягивал время, занудливо поясняя: «Ну, куда вы все спешите?»

Здесь лежали два письма от Петры Келли, среди которых одно для Кена Эмерсона из газеты «Нью-Йорк Ньюсдэй», где она предваряла текст генерала к публикации такими словами:

«Напечатать к завершению моей политической деятельности на поприще „зеленых“, текст подготовлен моим другом и патроном Гердом Бастианом».

В другом ее послании были коррективы к ее автобиографии и такие рекомендации:

«Заменить 9 и 10 страницы. Срочно! Вечером, в четверг, вам позвонят из бюро». (Петра Келли имела в виду, что вечером 1 октября из бюро «зелёных» ее вызовут и она завершит все дела с автобиографией по телефону.)

... Петра постоянно мечтала об одном: выспаться всласть. Придет время, считала Келли, и она, истощенная своими бесконечными делами, уляжется на двое-трое суток, а потом встанет, оденется в домашнюю одежду и весь вечер будет смотреть развлекательные программы по телевидению...

Я заглянул в лист, заправленный в машинку. Это была депеша мюнхенскому адвокату Хартмуту Вэхтлеру. Вверху справа он впечатал дату: 1.10.199... года. Здесь речь шла об интересах лучшей подруги П. Келли – Элеоноре Хайнц, у которой получился досадный инцидент с её шефом, а помочь ей теперь мог только адвокат.

В начале десятой строки письмо внезапно обрывалось следующими словами: «Мы должны...»

«Хох! – шепотом воскликнул я. – Так вот когда его настигла роковая пуля. Где же пистолет?»

Я пошарил лучом фонарика по ступенькам, где распласталось тело генерала, и обнаружил орудие убийства – двухзарядный, верхнего и нижнего боя пистолет «дерринджер» 41-го калибра, за которым прочно закрепилось ироничное название «оружие для идиотов»... Внимательно осмотрев отстрелявшийся пистолет, я положил его на прежнее место.

Понимая, что это не дурной сон, а трагическая явь и жуткие находки еще впереди, я крадучись спустился по ступенькам вниз и направился в спальную комнату. Здесь выпрямился и, переведя дыхание, стал внимательно исследовать дальше – все, что попадалось на моем пути...

Подтвердилось самое худшее. Не пощадили и Келли. Она лежала ничком на кровати – по всей видимости, встретив пулю во сне. Скорее всего, убийцы выжидали, пока Петра, истощенная своими бесконечными делами, уснет как убитая.

Ее контактные линзы, как и прежде, покоились на чистеньком ночном столике в специальном сосуде, рядом – кольцо и часы. А внизу, у кровати, остался раскрытым конспект с ее последней лекцией «Письма Гёте к госпоже фон Штайн»...

Тяжелый запах гниения я уже не ощущал, мое обоняние притупилось.

Итак, трагедия произошла более недели назад, скорее всего ночью – с 30 сентября на 1 октября...

Мне сразу же нарисовалась возможная картина случившегося. Пистолет генерала они извлекли из книжного шкафа, тот находился на первом этаже, рядом со спальней. Для антуража часть вещей и книг разбросали по ступенькам, ведущим в небольшой рабочий кабинет генерала. А пустить в ход оружие было делом техники... Пока одни наемники расправлялись с Петрой, другие уже «работали» с Гердом Бастианом. Они убили его после того, как с Келли было покончено. Добили второй пулей из его же пистолета выстрелом в голову. Причем заставили держать руки на лбу, чтобы на них осталась пороховая гарь.

Вероятно, он пытался оказать сопротивление... Но что мог сделать старый человек, да еще на костылях, против профессиональных убийц?

Падая, генерал увлек за собой полку с книгами, которые рассыпались, как домино. Кстати, на высоте его головы была кнопка пожарной сигнализации. Он мог бы надавить ее затылком. Но – увы! – кнопка не была нажата...

Когда с политической парой было покончено, наемники сделали все, чтобы избавиться от улики. Как выяснилось позже, они выстроили сценарий суицида на почве адюльтера. Прекрасная наживка для просвещенных дилетантов. Вот почему здесь валялись старые генеральские перчатки из замши с инициалами «ГБ» и был использован его, Бастиана, пистолет. Этот «дерринджер» они извлекли из книжного шкафа, что стоял на первом этаже...

В каком генерал был состоянии? Что он мог сделать еще? Бросил ли в лицо реплику своим убийцам, просил ли о чем-нибудь? Был ли в отчаянии закаленный солдат бундесвера? Или, наоборот, в замешательстве от бессилия как-нибудь спасти Петру? А может быть, происшедшее только облегчило его душу: теперь они навечно останутся вместе?

О чем думал генерал в эти последние мгновения жизни? Вернулся ли он мысленно к убитой Петре Келли? Может, Бастиан мечтал перед смертью побывать в последний раз в палисаднике, где он восемь лет назад рвал цветы для Петры и подрезал кустарник? А может, Герд перед роковым выстрелом убийцы подумал о недописанном письме к своей жене Лотте? И как объяснил бы весь этот абсурд происходящего с ним и Келли?

Как человек военный, он наверняка догадывался о сценарии этого кошмара: в качестве незваных гостей пришли не примитивные грабители, вооружившись его пистолетом, а профессионалы своего дела. Скорее всего, они с Петрой угодили на главные роли жуткого спектакля, разработанного отнюдь не дилетантами. Его пристрастие к личному оружию было использовано по полной программе. И сработала гениальная чеховская аксиома о ружье, которое в первом акте висит на стене, а во втором – хладнокровно стреляет.

Об этом профессиональном пристрастии к оружию генерала было известно не только мне, но и всем «заинтересованным лицам»... Когда Герд Бастиан еще был депутатом бун-

дестага, он постоянно хранил в своем кабинете – в выдвижном ящике стола – пистолет системы «дерринджер» (41-го калибра). Это двустольная модель с вертикальным расположением стволов (Remington Double Derringer), выпускаемая с 1866 года. Тяжелая пуля весит почти что десять граммов, имеет скорость 182 метра в секунду и пробивает доску толщиной до пяти сантиметров.

Генерал владел тремя пистолетами: один был дома, в Мюнхене (мощный «магнум»), и два «дерринджер» здесь, у Петры в Танненбуше.

И тут я вспомнил о нашем уговоре с генералом Бастианом: в коробке из-под ножного насоса лежат нужные бумаги, которые надо было забрать с собой, и рядом – второй дерринджер с полным зарядом, упакованный в коробочке. Я поднялся в рабочий кабинет, подошел к стеллажу. Подборка журналов «Нейшнл Джограффик» была на месте, я аккуратно отодвинул часть книг. Вот нужная мне коробка, а в ней под бумагами пистолет. Я забрал документы и, немного подумав, прихватил оружие, а затем вернул журналы и книги на полку. Остановился и оглянулся. Нужно было сосредоточиться: все ли сделано правильно, устранены ли следы моего посещения?

Итак, как же все произошло? Входная дверь заперта только на один поворот ключа. Сигнализация отключена. Дверь террасы оказалась лишь прикрытой, но не запертой. И чего гадать, сколько было тех, кто совершил убийство Келли и Ба-

стиана с последующей инсценировкой «двойного суицида». Сколько было исполнителей: двое или пятеро? Да это и не важно. Киллеры ждали благоприятного момента для убийства «известной политической пары»...

– Всё, хватит с меня! – прошептал я самому себе, как бы удостовераясь, что я в своем уме. – Надо уходить, а то наверняка можно нарваться на неприятности и на «наружку» в том числе.

Хотя вряд ли. Скорее всего, оставят все, как есть, чтобы довести ситуацию до маразма. Автором заговора нужно выдержать время, тогда и собака след не возьмет. Останется лишь красноречивая мизансцена, как будто вырванная из классических триллеров Агаты Кристи. Дескать, суицид на почве любовных отношений. Но как последует из дальнейшего, такое развитие событий кого-то оч-чень не удовлетворяло. Двойное самоубийство на любовной почве – так красиво для просвещенных дилетантов, мелодраматично и не несет в себе никакой сверхзадачи, кроме мизерабельного адюльтера.

Теперь уже было неважно, как и почему погибли Петра Келли и Герд Бастиан, самое важное было то, что они были мертвы. Точка. Прощайте, Келли и Бастиан, творцы политики мира и свободного труда, надежда как немцев, так и русских. Подойдя к двери террасы, я остановился и проверил, не зацепил ли я нитки на браслете часов и не закатился ли шальной предмет в карман или за отвороты брюк. Запнув-

шись ногой о роскошную домашнюю тапочку, я рассеянно подумал, что ни разу еще не встречал женщину, которая не бросала бы тапки в самых разных местах.

Я еще раз обернулся, чтобы запомнить до мелочей картину разыгравшейся здесь трагедии...

Если ты трудишься в области незримых фронтов, то у тебя должно хватить духу посмотреть на содеянное твоим противником, вне зависимости от того, как бы жутко и страшно все это не выглядело. Есть что-то отвратительное, когда наемные убийцы подстерегают жертву там, где она, жертва, меньше всего этого ожидает, — дома, в загородной вилле или особняке, затем устраивают публичную казнь, да еще с издевательствами и пытками. Выполнив грязную работу и даже не вымыв руки, они удаляются восвояси. И ни один нерв или мускул не дрогнет у этих нелюдей.

... Я еще раз посмотрел туда, где вечным сном уснула в кровати Келли, на тело генерала, картинно расprostертое посреди разбросанных книг. Вновь я ощутил тяжелый трупный запах — прошло уже много времени. Правда, привыкнуть к этому амбре нормальному человеку, исключая патологоанатомов, просто невозможно. Одни только падальщики — грифоны, воронье или гиены с шакалами — ощущают себя при этом в своей тарелке — это их запах...

О чем я еще думал? Разумеется, я был на «автомате», выполняя все то, что должен делать агент в нештатной ситуации: убирал все возможные зацепки или вещдоки, которые

могли привлечь внимание, когда делом займутся профи из криминальной полиции. Все и вся тщательно проверил, чтобы попутно не наследить самому. А на то, чтобы спокойно проанализировать, что за чертовщина здесь все-таки произошла, у меня просто не было времени. Лишь мелькнула мысль о том, как хорошо было бы мне очутиться в Берлине, чтобы исчезнуть в чертогах Сони Шерманн, – чертовски крамольные мысли для спецагента из Москвы...

Планируя операцию, мы не могли взять в расчет такой разворот событий, хотя просчитали все до мельчайших подробностей, но подобный изуверский исход нам и в кошмарном сне не мог присниться.

... Шел первый час ночи другого дня, было уже 9 октября. Через незапертую дверь террасы я покинул этот страшный дом на Свинемюндерштрассе и палисадником выбрался на другую сторону участка. Перелез через забор, поминая недобрыми словами хозяйку за то, что та любила выращивать не георгины и лилии, а колючие розы, и стал плутать, чтобы выбраться на дорогу – к месту, где я поставил свой неброский «фольксваген»...

Я решил пригнать машину в Бонн и побыстрее избавиться от нее. Успеть незамеченным вылететь в Берлин, а там остановиться и оглянуться, чтобы перейти на другой уровень работы. Но сначала нужно сообщить об инциденте в Центр, а уже потом получить необходимые ЦУ. Тогда будет ясно, как действовать: переждать ли какое-то время у друзей-то-

варищей, а может быть, и у моей пассии Сони Шерманн... Чем черт не шутит!.. Каким-то наитием, чутьем загнанного зверя я чувствовал, а скорее всего, был убежден, что здесь что-то не то или совсем не то. Какой-то подвох в адрес меня. Может быть, на это намекал Сансаныч в московском кабинете, когда говорил, что мне «нужно быть постоянно бдительным и ждать коварный удар не столько от чужих, но и от... своих». Мне уже реально мерещилось, что мою персону использовали в другой разработке, скорее, на манер примитивной наживки. А для отвода глаз (моих, конечно же) и наведения туманного флера меня активно разрабатывали то ли журналистом респектабельной гамбургской газеты «Ди Цайт» Вольфганга Риттера, то ли предпринимателем из берлинского представительства «Гандвик», а может сотрудником фирмы по недвижимости из Франкфурта-на-Майне Гансом Фрайером, и далее: немцем-переселенцем из Казахстана Владеком Функе.

Я поморщился, как будто мне сверлили больной зуб без наркоза.

Кто я сейчас, в данный момент? Сотрудник по недвижимости Ганс Фрайер из Франкфурта-на-Майне по кличке Гансвурст, туманно связанный с мафиози? Скорее да, нежели Рудольф Смирнов, правительственный агент из России...

Сняв перчатки и упрятав их в кусты, я повернул направо и зашагал к машине. И тут в упор столкнулся с парочкой влюбленных. По крайней мере, мне так показалось. Одна-

ко поворачивать назад и не привлекать внимания было уже поздно: они меня увидели. Поэтому я продолжал идти как ни в чем не бывало и даже бросил в сторону парочки взгляд – что за сумасброды решили обниматься прохладной осенней ночью?

Возможно, мне не стоило на них смотреть, хотя ничего предосудительного в этом не было. Как бы то ни было, девушка обернулась и жестом показала, чтобы я остановился. Сделать вид, что я не заметил взмаха ее руки, мне уже было нельзя. Я остановился, как сделал бы на моем месте любой мужчина, которому помахала смазливая девушка. И подождал, пока она приблизится ко мне.

– Герр, у в-в-вас не найдется ог-г-гонька?

Сигарета мелко дрожала в ее посиневших от холода губах. У девчонки имелась уважительная причина, чтобы настолько замерзнуть, – одежды на ней было всего ничего: короткая юбочка и куртка с капюшоном. Лично я горячо одобряю, когда в моде снова длинные платья вроде тех, что показывают именитые модельеры на своих дефиле. Как-никак благодаря такой одежде возрождается хоть какая-то тайна, зашифрованность женского стана и прочих прелестей и можно снова давать волю воображению. А эта девушка явно предпочитала короткую юбочку. Лифчика на ней не было, а бедра вкупе с точеными ножками на шпильках выглядели довольно сексуально на фоне темной ночи. Я выудил из кармана зажигалку, высек огонь и поднес к ее тонкой сигарете. Девушка

пригнулась, приблизив ко мне прехорошенькое лицо с зажатой в зубах сигаретой. Только сейчас я разглядел, как она очаровательна и мила. Белокурые, коротко подстриженные волосы были настолько светлы, что в темноте казалось, над ее головой сияет нимб. В таком виде фройляйн показалась мне очень соблазнительной.

– Спасибо! – проговорила она чуть заплетающимся языком, закидывая назад голову и пуская колечками дым. – Вы, должно быть, думаете, что мы веселые и ненормальные. С-с-самое з-з-забавное в том, что вы с-с-совершенно правы! Мы вес-с-селы и ненормальны, потому что пьяны до без-з-зобра-зия.

Я хмыкнул и зашагал прочь. Забравшись в машину, я вдруг ощутил, что спина моя мокрая от пота – я ожидал каждую секунду услышать крик о том, что произошло убийство. В кармане у меня лежал «дерринджер» генерала бундесвера, убитого из похожего пистолета...

Я запустил мотор, и мой небольшой сероватого цвета «фольксваген» покатил вперед.

Миниатюрная блондинка помахала мне рукой, когда я проезжал мимо.

Время покажет, сколько вреда принесла мне эта встреча... На всякий случай я тут же избавился от улики и спрятал «дерринджер» в одно укромное место.

В Москве я предпочитал машины класса повыше, но во время работы обхожусь и такими неприметными авто. Что

поделать, специфика нашей работы – быть такими же, как все...

На автобане я внушал себе, что не должен торопиться. Однако долго ждать неприятностей мне не пришлось. Я уже почти что добрался до Бонна (хотел оставить свою машину недалеко от сервисной стоянки и обо всем доложить в «контору»). Но тут начались весьма драматичные события: меня чуть было не арестовали...

VII. На волосок от гибели

«Увы, когда боги хотят наказать нас, они отвечают на наши молитвы».

Оскар Уайльд, писатель

Услышав сирену и заметив в зеркальце быстро приближающуюся полицейскую машину с проблесковым маячком, я кинул взгляд на спидометр и удостоверился, что еду с дозволенной скоростью. И продолжал катить дальше, надеясь, что патрульный автомобиль пронесется мимо. Надежды не сбылись: колокол звонил по мне.

Я как законопослушный гражданин съехал на обочину и опустил боковое стекло, дожидаясь, пока приблизится первый полицейский.

– В чем дело, шеф? – спросил я.

Увидев в его руке автомат, я понял, что влип. Нарушителям дорожного движения они оружием не угрожают. А я-то надеялся, что успею добраться до Бонна, где люди Сансаныча помогут мне избавиться от машины, а заодно и от всего остального, связанного с пресловутым Гансом Фрайером, который должен будет прекратить существование. Теперь, когда первый оборонительный рубеж рухнул, мне оставалось только вжиться в образ герра Фрайера и уповать на лучшее.

Я не имел права признаваться, кто я на самом деле. Это

был бы просто абсурд. Полицейским и в кошмарном сне не приснилось бы, что перед ними русский агент. Судьбоносное решение в этой связи мог принимать только Сансаныч, но никак не я.

Итак, выбора у меня не оставалось. Я набрал в грудь побольше воздуха и превратился в Гансворста.

– В чем дело, герр полицейский? – хрипло процедил я, когда страж порядка подошел вплотную к машине, угрожая выставив перед собой дуло автомата. – Я не нарушал правила, не превышал скорость. Вот мои права...

– Пожалуйста, выйдите из машины. – Полицейский произносил слова подчеркнуто вежливо, но вполне серьезно. Дождавшись, пока приблизится его напарник, он предупредил: – Выходите, только очень медленно...

Забрав меня, они поехали в Бонн. Не доезжая до отеля, где я остановился, свернули направо к небольшому дому, оборудованному высоченной радиомачтой. Там они сдали меня в руки полиции. Они были простыми патрульными, в обязанности которых входило следить, чтобы люди не гибли сами и не убивали других на скоростных автобанах. Разыскиваемые преступники, даже не столь отпетые, как я, занимали их гораздо меньше.

Люди из полицейского участка обыскали меня и сняли отпечатки пальцев. Они буквально обнюхали мой «фольксваген», который кто-то уже пригнал. Во всяком случае, я решил, что его должны были обыскать, когда двое полицейских

после десятиминутной отлучки вернулись, неся мою сумку, точнее говоря, сумку Ганса Фрайера. Мой чемодан оставался в номере резервной гостиницы в Берлине и с каждой минутой становился все более недостижимой мечтой. Что же касается апартаментов Сони Шерманн, то она уже превратилась в иллюзию наподобие библейского райского сада Эдем.

Стражи порядка стали рыться в спортивной сумке и нашли спрятанный там финский нож с рукояткой в виде головы льва с изумрудными глазами. Я купил его на блошином рынке возле Бранденбургских ворот. Теперь я понял свою оплошность. Во всяком случае, обнаружив нож, полицейские не прониклись ко мне симпатией. Зато лишний раз убедились, что со мной надо держать ухо востро. Перед ними был потенциальный преступник.

Потом мне пришлось чего-то или кого-то ждать. Я развалился на скамье, погрузился в угрюмое молчание. Наконец, дверь открылась, и вошел поджарый полицейский с орлиным носом, в аккуратном отутюженном мундире.

– Вот, Хайнц, – обратился к нему один из мелких чинов. – Ганс Фрайер из Франкфурта-на-Майне. Рост – метр восемьдесят пять, вес – около восьмидесяти килограммов; темный костюм, лакированные ботинки – да посмотри сам. Остановлен в два часа десять минут ночи в нескольких километрах от Бонна, машина – мышиного цвета «фольксваген» с номерными знаками Бонна. Права итальянские...

– Все сходится.

Ни один из полицейских на меня не смотрел, но я понял, что не случайно присутствовал при их беседе. Мне просто дали понять, что все приметы совпали и мне остается только признаться. Только вот в чем?...

– А это что, Вольфганг? – спросил полицейский с орлиным носом, с опаской дотрагиваясь до финского ножа, который лежал на столе.

– Это мы нашли в его спортивной сумке – сбоку, в пистончике.

Вольфганг взял финку и приблизился с ней ко мне. Он остановился в двух шагах от меня и, брезгливо взяв холодное оружие двумя пальцами, стал картинно рассматривать лезвие от острия до ручки с мордой льва.

Вольфганг, должно быть, прекрасно управлялся с полицейским револьвером, и финские ножи не входили в круг его любимых игрушек, чем он явно гордился.

– Меня зовут Кизиветтер, – сказал полицейский с орлиным носом и поправился: – Сержант Кизиветтер.

– Если уроните и повредите его, – сказал я, – то купите мне новый финский нож.

Сержант повертел в руках финку, приподнял брови и спросил:

– Вы признаете, что это ваш?

– Еще бы, черт возьми! – выпалил я. – И я требую, чтобы мне его вернули вместе с запонками, зажимом для галстука и другими вещами, которые ваши коллеги лапали, как свои

собственные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.